

Мастера современной
литературы

Герольд БЕЛЬГЕР

*О, казахи
мои!..*

Герольд БЕЛЬГЕР

*О, казахи
мои!..*

Размышления и наблюдения

*О, казахи мои! – строки из Абая и Олжаса.
В этом возгласе и гордость, и боль, и грусть,
и, возможно, упрек.
Я живу в Казахстане 72 года. Казахстан –
стал моей судьбой. Я пронизан всем казахским.
И, полагаю, имею право тоже так сказать.*

Издательский дом "Библиотека Олжаса"
Алматы, 2013

УДК 821.512.122.0

ББК 83.3 (5каз)

Б-43

Ответственный редактор

Сафар Абдулло

Бельгер Г.К.

Б 43 «О, казахи мои!..». – Алматы. Издательский дом
«Библиотека Олжаса», 2013, - 164 с.

ISBN 978-601-7315-51-1

Книги выдающегося современного казахстанского писателя и мыслителя Герольда Бельгера, пишущего на трех языках – казахском, немецком и русском, никогда не оставляют равнодушным вдумчивого читателя.

Его творчество отличается своей искренностью и задушевностью, в его произведениях всегда ощущается поиск пути к справедливости.

Новая книга писателя, состоящая из двух разделов под названием «Размышления» и «Наблюдения», повествует об известных казахских писателях, публицистах и критиках, их творчестве, книга пронизана любовью и тревогой за судьбу казахского языка и литературы.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся современной казахской литературой и публицистикой.

555037

УДК 21.512.122.0

ББК 83.3 (5каз)

©Бельгер Г.К., 2013

©Издательский дом
«Библиотека Олжаса», 2013

I
РАЗМЫШЛЕНИЯ

КАК ЗОВУТ ТЕБЯ, КАЗАХ?

Когда знакомый мне доселе лишь по редким телефонным разговорам Аскар Смагулов из Министерства культуры РК занес мне домой объемную и тяжеленную (65 п.л.!) книгу-кирпич, я нахмурился и еле сдержал раздражение: «Ну, вот... завалят меня казахи своими опусами. Читай до самой гробовой доски...»

Ах, как я был неправ!

Бегло пролистав большущий фолиант, я сразу понял: плод тридцатилетних поисков и обобщений, огромный научный труд, серьезно аргументированный и систематизированный, тщательно, детально продуманный, библиографически основательный, дающий – помимо ономастики – редчайшие сведения о мощи и выразительности природного казахского языка, о достоинствах казахского речестроя, этнографии, о фантастическом богатстве казахов в имена-речении, о широте диалектического мышления, экскурсии в глубокую древность, о горизонте научных образов и изысканий в области ономастики и ее истории.

Фолиант изобилует многими бесспорными достоинствами. Некоторые попытаюсь отме-

титель хотя бы пунктирно, ибо убежден, что русскоязычный читатель обязан знать, что происходит в обширной науке – казаховедении.

Сразу огорошу читателя: в энциклопедический справочник «Қазақ есімдері» включено более 70 тысяч (!) казахских имен, из них более 12 тысяч имен этимологически объяснены, истолкованы.

Поразительно, не так ли?!

Не свидетельствует ли столь мощное, разнообразное имянаречение о древнейшей уникальной культуре номадов, которая эффективно (иногда диковинно) отразилась в ономастике – одном из значительных разделов языкознания?!

Разумеется, в скромной заметке нет возможности охватить все грани этого уникального труда. но ограничусь тем, что укажу те факты, которые «зацепили» мое сознание.

Вынужден, однако, начать с предыстории вопроса.

Еще учеником казахской средней школы я загорелся сбором казахских имен, абсолютно не представляя громоздкость данной затеи. Переписал в тетрадку – без какой-либо системы – всех учеников школы, потом – аульчан, потом – жителей соседних аулов. Когда собрал первую тысячу казахских имен, сообразил, что все это

ничто безграничное и диковинное. Необходима какая-то система, все это сырье следует привести в божеский вид, а не вываливать все имена в кучу. Завел несколько тетрадей, распределил имена в алфавитном порядке, потом – относительно мужские и женские имена. Потом отдельной главкой расписал любопытные имена типа Маркс, Энгельс, Мэлс, Марэлс, Колхозбек, Совхозбек, Карл, Маршал, Коммунар, Ким, Клим, Советхан. Мәскеубай et cetera.

Сборы продолжались и в студенческие годы. Правда, все с меньшим азартом, ибо понял, что на эти сборы необходимо положить жизнь. А у меня тогда были вообще разные цели.

Именно студентом я понял, что ономастика – очень серьезная, кропотливая, хлопотная наука.

Очутившись в Байкадаме Сарысуского района Джамбулской области, где два года с гаком преподавал в средней казахской школе русский язык и литературу, я привлек к сбору имен всех моих учеников старших классов. И за короткое время в моих тетрадях казахских имен накопилось около семи-восьми тысяч. Надо было заняться этимологией имен. Занятие оказалось нудное и тягостное. Очень часто этимология не проглядывалась. Нужно было запастись терпением и прилежанием на десятки лет. Разнообразие поражало. Порой казалось, что казах-

ских имен больше, чем собственно казахских слов. Фантазия казахов по части имянаречения оказалось неисчерпаемой, в чем я убедился на разных шильдеханах-родинах.

Поступив в аспирантуру, я обнаружил, что этой наукой занимались многие выдающиеся лингвисты. В том числе и казахи, о которых я ничего не знал. Особенно поразил меня Телкожа Жанузаков. Он, как выяснилось, по-научному занимался этим вопросом, во всеоружии подходил к проблеме, не плутал, как я, в потемках, публиковал статьи, делал доклады, издавал книжки и пособия, объяснял происхождение имен, ссылаясь на арабские, персидские, турецкие, монгольские, калмыцкие, русские и бог весть еще какие корни, защитил кандидатскую диссертацию. И я понял, что мои многолетние занятия были наивными, дилетантскими. Не что иное, как махровая самостоятельность. Идти проторенным путем расхотелось. И я расстался со своей коллекцией, при бесчисленных переездах в пору бездомья тетради потерялись, а кое-что уцелевшее я позднее сплавил в Президентский архив вместе со своими рукописями и прочими документами.

Но интерес к казахским именам во мне тлел всегда. Едва ли не любое имя раскрывало неведомый мир, намекало на конкретные обстоя-

ительства. Этим и объясняется мое внимание к глобальному энциклопедическому труду Аскара Смагулова.

Из чего и как соткана эта энциклопедия?

Докторфилологии, ныне покойный профессор Акселеу Сейдимбек предпослал ей краткое, но энергичное вступительное слово. Он назвал выдающихся ученых, занимавшихся казахской ономастикой и антропонимикой: И.А. Износков, Н.Ф. Катанов, А.И. Самойлович, И. Брагинский, И. Беляев, Н.А. Аристов, М. Тынышбаев, С. Аманжолов, Г. Конкашпаев, А. Абдрахманов, Т. Жанузаков, В.Н. Потапова, Е. Койшыбаев, О. Султаньяев, В.У. Махпиров, Г. Жаркешова, Д. Жунусов, Е. Керимбаев, С. Кондыбай.

На фоне этих имен и их трудов мои давние попытки в сборе казахских имен, разумеется, выглядели увлечением дилетанта.

Акселеу Сейдимбек подчеркивает, что ономастика составляет антропонимическую систему, систему мировоззренческую, в ней отражена генеалогическая память народа.

Действительно, казахские имена отражают причудливый мир номадов, их историю, быт, культуру, этнографическую основу, чаяния и надежды.

Автор предварительного слова высоко оценивает многолетний труд Аскара Смагулова.

Широкоохватная статья «От автора» изобилует источниками происхождения казахских имен (из животного мира, из фауны и флоры, этнонимы и генонимы, топонимы, астронимы, от названия металлов и драгоценностей, от наименования годов, месяцев и дней, от охотничьего промысла, от земледелия, от предметов домашнего обихода, от видов занятия, от желаний, надежд, обстоятельств, конкретных исторических событий и т.д. и т.п.) и множеством конкретных примеров. Приводятся также варианты корневого имени, различные орфоэпические и орфографические нормы, имена исторические, родовые, навеянные знаменательными событиями, а также надуманные, составленные, диковинные, аббревиатурные, а то и вовсе загадочного происхождения. Обо всем этом и я писал в разное время, в частности в книжке «Записки старого толмача».

Автор энциклопедического справочника убежденно подчеркивает, что по богатству национальной ономастики с казахами не сравнится ни один народ в мире. Охотно с этим соглашусь. И доказательством может служить данный капитальный труд.

В энциклопедию включены разделы: «Прочтите, это любопытно», «Патриотические имена советского периода», разнообразные этно-

графические сведения (для меня и читателя, полагаю, едва ли не самая ценная часть труда), свод государственных законов по части казахской ономастики на казахском и русском языках (типа: «О порядке решения вопросов, связанных с написанием фамилий и отчеств лиц казахской национальности»), список использованной литературы (404 наименования!) и разные другие указатели, свойственные энциклопедическим изданиям.

Такова – в общих очертаниях – структура «Қазақ есімдері».

Теперь постараюсь выше сказанное проиллюстрировать конкретными примерами.

Толкование казахских имен происходит таким образом:

АБА – 1. қаз. – а) аң аулауға арналған қоршау, қаша; б) кең тігілген сырт киім, бурка; жылқы терісінен тұтас тігілген, жауын-шашыннан қорғайтын, күләпарасы бар, тұлыпқа ұқсас, жамылғы түріндегі сулық киім; в) толық тазартылмаған жуан жіптен тоқылған жүн мата; 2. көне түрік тілінде – аю; 3. көне түрік, араб, еврей, иран, тибет тілдерінде – әке ата-баба; 4. ел, жұрт, мекен. Абабай.

АБАЛ, АБАЛАҚ. – 1. қаз. үрпек, сабалақ, алба-жұлба; 2. тат. абалақ – үкі; 3. араб. абал – жабайы раушан гүлі, итмұрын, роза.

АҒЗИЯ – араб. ас, дәм, тағам.

АЖАР – 1. қаз. әдемі, көрікті, шырай; 2. түс. рең,рай, кеспір; 3. бедел, ар; 4. араб. – гүлдер. Ажаргүл, Ажария т.б.

АЙМАУЫТ – қаз. көне түрік – ұсақ шынжырлы етіп, асыл болаттан соғылған сауыт.

АЙПАРА – 1. қаз. ай + ир. пәрә – пери, періште, сұлу; 2. ежелгі қазақ халқының отқатабынуымен байланысты от анасының есімі. 3. үлкен, ірі, көрнекті. 4. жарты ай, айшық (полумесяц).

АРСАЛ – қаз.. ноғай – жирен.

Ограничусь несколькими примерами на букву А.

Таким образом, этимологически разъяснены, истолкованы 12 тысяч имен на все буквы казахского алфавита. Это очень любопытное и познавательное чтение, как и любого энциклопедического словаря. Почти каждое имя – диковинный мир с древними разноязычными корнями. И почти за каждым именем скрывается многозначный смысл. Поэтому и считаю, что «Қазақ есімдері» достойна быть настольной книгой в каждой казахской семье и необходимым справочником для каждого любителя казахской словесности.

Меня разобрало любопытство: какие же могут быть у казахов имена на сугубо кириллические буквы «Э», «Ю», «Я».

Представьте себе: и такие имена встречаются немало. Например:

Эвелина, Эверест, Эдуард, Элеонора, Эллина, Эльбрус, Эльвира, Эльдар, Эльза, Эльмира, Эмилжан (от Энгельс, Маркс, Ильич Ленин + жан). Энгелина, Эрик, Эрнст, Эрнест (в казахской транскрипции встречается Еринест), Эфира и т.д. Понятно, все они – заемные имена с греческими, латинскими, немецкими, французскими корнями или образованные, сконструированные из разных словесных элементов (например: ПОЛАС – Пушкин + Островский + Лермонтов + Абай + Сабит).

Одну из моих сестер звали Эльма. Я и не знал, что это вариант Елизаветы – Элизабет, так звали мою бабушку). Не знал также, что имя это носят и казашки. А Эллина образована от Елены.

На букву «Ю» приведено пять имен: Юбилей, Юлий, Юлия, Юпитер, Юран. Юрий.

На букву «Я» – восемнадцать имен: Ядыгар (Жәдігер). Язит, Яков (Жақып), Якуда (Жакуда), Ярхам, Ярхан, Ясин, Ясура, Ясикей (Есукей). Яхуда (Жакуда, Яһуда), Яхута, Яшар.

Большой раздел (63 страницы мелкого убористого шрифта) в энциклопедическом справочнике занимает «Білгенге – маржан». Чего здесь только любопытный читатель не найдет!

Это поистине бескрайний океан казахской словесности. Автор приводит редчайшие данные о казахском летоисчислении с русскими аналогами, с указанием годов по животному циклу; названия месяцев по-казахски, по-арабски и по-русски (наурыз – сафар – март: сәуір (көкек) – Раби-дууэл – апрель etc.); знаки Зодиака по-казахски, по-турецки, по-русски (тоқты – қозы – хамал – овен); наименование времен года (например, на букву «Т»: тамыз, таң, таңғы, тарих, тоқсан, түн, түнгі, түс, түстік); названия созвездий и планет (например, на букву «Б»: бабасан (шампан), Балпан (Марс, Меркурий), Бахрам (Марс), Бикеш (дева), Болпан (кіші Шолпан, Меркурий), Босаға (капелла), Бөрі (Волк), Бүйі (Скорпион), Бүркіт (орел); семь сфер мира; семь небесных сфер; названия, связанные с Солнцем, с Луной; девяносто девять имен Аллаха; имена двадцати пяти пророков; священные книги (Тәурат – Тора, зәбүр – псалтырь, Інжіл – евангелие, Құран – Коран); имена верховных ангелов; имена четырех великих халифов; названия райских обителей; имена некоторых богов; родовой состав казахского общества; тейпы Большого, Среднего и Малого жузов; состав шести Алаша; состав племен Ногайлы; Он ата; Жеті ата; имена казахских ханов всех трех жузов; казахи – члены Государственной Думы Российской империи;

члены правительства Алашорды; имена военных предводителей, генералов и высших военных чинов – казахов; тамги главных казахских родов; боевые родовые ураны-кличи; имена египетских, турецких, иранских правителей-ханов и султанов и годы их правления...

И т.д. И т.п. И мн. др.

Пожалуй, остановлюсь. Все сведения, включенные в главу «Білгенге – маржан» («Жемчужины познания»), я перечислить в своей статье не в состоянии.

Я себя к казаховедам не отношу, хотя мир казахов мне с детства близок, я всю жизнь стараюсь его посылно постичь и хочу, чтобы об этом мире как можно больше узнавали неказахи или казахи, по разным причинам оторванные или оторвавшиеся от своих национальных корней. Из главы «Білгенге – маржан» энциклопедического справочника «Қазақ есімдері» я почерпнул в сжатой концентрации очень много сведений, которые я десятилетиями – как писатель, переводчик, лингвист собирал по крупицам и о некоторых из них имел (и имею) весьма разрозненные и поверхностные представления.

Поэтому позволю себе представить вниманию читателей еще несколько любопытных сведений. Например, животный мир в разрезе самец – самка – детеныш. Вот возьмем названия домашних животных.

Верблюды. Самцы: атан, бура, лөк, нар, үлек. Самки: аруана, мая, інген. Детеныш: бота, көшек, бажығай.

(Замечу, это далеко не все виды, и каждый вид имеет свое описание и разновидности, и речь здесь не об этих подробностях, а всего лишь о некоторых общих названиях, которые образуют казахские имена и прозвища).

Лошадь. Айғыр (жеребец, производитель) – бие (кобыла) – құлын, тұматай (жеребенок).

(Опять-таки о многочисленных разновидностях по разным параметрам речь здесь не идет)

Овца. Қошқар (баран-производитель) – овца-матка – қозы. қошақан, бағлан (ягненок).

Коза. Теке, шікіраз – ешкі – лақ.

Собака. Сырттан, төбет, байтөбет – қаншық, өлекшін – күшік, итақай.

Гусь. Атақаз, аталық – мамақаз, ұрғашы қаз – мамыр, балапан.

И т.д.

Три примера из разряда диких животных:

Медведь. (Аю) Мақат, матай, сіті – кірекей, абақ, мердек – конжық, апанақ, мердек.

Лев. (Арыстан). Абадан, күркіреуік, сырттан, ызақор-қаншыр, лэйза – абдан, абадан, теңбілше.

Тигр. (Жолбарыс) – жолбарыс, шері – өлекшін, мадашөнжік, сарамақ (сармак).

И т.д.

Далее следуют названия самок и детенышей: барыс, қабылан, сілеусін, шағал, түлкі, құндыз, борсық, ақкіс, қоян, суыр, құлан, бұлан, бұғы, марал, елік, арқар, тауешкі, киік, доңыз, итбалық, жылан, аққу, бүркіт, қасқалдақ, қырғауыл, көкек, тасбақа, бақа, бекіре, қияз. Сотни слов, большинство из которых я, например, не знал и не знаю. Думаю, по этой части почти все коренные казахи ни «бэ», ни «мэ», ни «кукареку».

Отдельно приводятся казахские названия, относящиеся, скажем, к волку, собаке, лошади, верблюду, ишаку, кролику и т.д.

555032 Вот слова по теме «верблюд»: айыр, ақбақ, ақбалдақ, ақбота, ақбура, алабас, алаша, аруан, атан, атанша, бәкір, бекпатша, бозым, бота, ботақан, божығай, бура, буыршын, бұзбаша, бүлдіршін, біртуған, біртума, жамал, жампоз, жар, жарбай, желмая, жонбай, жөн, кезнар, кейуана, келе, кердері, көшек, күрт, қаймал, қайыған, қайымалы, қолбағай, қаптағай, қарабура, қаранар, қаю, қолбатша, қолқан, қоршау, қоспақ, құлпатша, ләкір, лөк, маз, мая, нар, нарбота, нартайлақ, нарша, ойсыл, ақбақ, сарша, сарыатан, сақтан, тайлақ, теге, торым, тумыш, түйе, түс, түсайыр, үлек, шау, шомақ, інген и т.д.

Слов по теме «лошадь» я насчитал в труде Аскара Смагулова 85, по теме «корова» – 34, по

Северо-Казахстанская
областная библиотека
им. С. МУКАНОВА
г. Петропавловск

теме «овца» – 48, по теме «коза» – 25. И везде автор заканчивает перечисление пометкой т.б., то есть и т.д.

Разумеется, такое обилие «животных» слов вы не встретите ни в русском, ни в других европейских языках. Привет тем всезнайкам (по-немецки: klug-scheiber), серьезно утверждающим, что «бедный» казахский язык состоит всего лишь из 500 слов (а я лично таковые встречал в самых высоких сферах)!

В справочнике приведены казахско-русские названия некоторых диких зверей, беркута (по возрастному признаку), ловчих птиц, рыб, насекомых, растений (их в Казахстане встречается более 6 тысяч видов), овощей, фруктов, названия продуктов (молочных, мясных, злаковых), предметов быта, ювелирных изделий, государств, областей, народов, городов, разных ремесел, человеческих типов и характеров, слова, обозначающие физико-психическое состояние человека, погоды, градации чинов и служебных должностей и многое-многое другое.

Может возникнуть вопрос: а какое имеют отношение эти слова из исторической, хозяйственной, этнографической, духовной, социальной, политической, этнической, психической и т.д. сфер к энциклопедическому справочнику по казахскому имянаречению? Ответ оче-

видный: все эти слова-названия, в той или иной форме и вариациях, нашли прямое отражение в казахских именах, в чем несложно убедиться, ознакомившись с более 70 тысячью именами, включенными в этот уникально-капитальный труд.

Несомненное внимание привлечет объемная статья под названием «Читайте: любопытно». Речь в этом разделе идет о традициях и правилах имянаречения в разных странах мира — Франции, России, Белоруссии, Украине, Италии, Австрии, Швейцарии, Британии, Швеции, Бельгии, Польше, Литве, Армении, Сербии, Хорватии, на континентах Азии, Америки, Австралии, Африки; приводятся наиболее распространенные в наше время мужские и женские имена, отмечаются ограничения в правилах и законах имянаречения, строго регламентированные традиции. Конечно, эти сведения любопытны и поучительны. Видимо, и в казахском имянаречении необходимы некоторые четкие рамки, не допускающие безграничного своеволия и необузданной фантазии в искусстве и науке ономастики. Всеядность в этом вопросе неминуемо приведет к хаотическому недоразумению. Именно к такому выводу приводят некоторые наблюдения и изыскания дотошного автора энциклопедического справочника.

О том же свидетельствуют и имена патристического содержания советской эпохи. Тут и вовсе встречаются диковинные имена и искусственные образования. Приведу несколько имен из этого разряда.

Арлен – армия Ленина

Артака – артиллерийская академия

Бестрева – Берия – страж революции

Велор – великий Ленин организатор революции

Вилжан – Владимир Ильич Ленин + жан

Вилис – Владимир Ильич Ленин и Сталин

Вильсор – В.И. Ленин – создатель Октябрьской революции

Ворбудрык – Ворошилов, Буденный, Рыков

Давсемир – Да здравствует всемирная революция

Зиф – земля и фабрики

Ивсталь – Иосиф Виссарионович Сталин

Лес – Ленин, Сталин

Лоризэрик – Ленин, Октябрьская революция, индустриализация, электрификация, радиофикация и коммунизм.

Оюшминальд – Отто Юльевич Шмидт на льдине

Поиск – поколение Октября и строителей коммунизма

Ренас – революция, наука, союз

Юралга – Юрий Алексеевич Гагарин

Яслен – я с Лениным

Пожалуй, достаточно. Только и воскликнешь: апырай, қазақтар да ат қоя береді екен!

Добавлю только, что подобные имена имеют и женские варианты:

Лора – Ленин, октябрьская революция

Мирра – мировая революция

Люри – Ленин, электрификация, революция, индустриализация.

Ремира – революция мировой армии

Икки – Исполнительный комитет Коммунистического интернационала

Зарема – за революцию мира

Элен – эра Ленина

Что и говорить, некоторые подобные имена кажутся наивными, смешными и даже уродливыми. Но они отражают социальную, политическую жизнь на определенных этапах. В энциклопедическом справочнике «Қазақ есімдері» я насчитал их около 300.

Таковы картины нашего бытия.

Далее идет длиннющий список имен без этимологического разъяснения.

Диву даешься, каких только нет имен у казахов!

Я любопытства ради стал искать среди них Герольда. Не может же быть, чтобы среди 70 тысяч имен не затесался мой тезка. Я ведь доподлинно знаю, что в Алматы подрастает

мальчуган по имени Герольд Өтемұратов. Он посетил меня со своими родителями. И я воспроизвел его фотографию в своей книжке «Записки старого толмача». Более того, у него есть братишка, которого нарекли именем Бельгер.

Герольда в «Қазақ есімдері» я нашел дважды наряду с Гансом, Гегелем, Генрихом, Гёрой, Гением, Гертом и др. Даже есть пометка: Герольд – в древнегерманском языке означает «копьеносец», «копейщик».

Такого толкования я не встречал. Мне известно, что в древнегерманских и скандинавских языках Герольд означает «глашатай» (показ. жаршы), «трибун», «вестник» (именно в таком значении Герольд присутствует в «Фаусте» Гете. В таком смысле употребил его и К. Маркс). Варианты этого имени: Герольд, Гарольд, Джеральд.

В этимологической части справочника я обнаружил в перечне казахских имен и Бельгера, со ссылкой на меня. Выходит, энциклопедия отразила самые свежие веяния в имянаречении.

Отрывки из Указов Президента РК на казахском и русском языках о порядке решения вопросов, связанных с проблемами казахской ономастики, а также список использованной литературы, перечень разных обозначений и сокращений значительно приумножают науч-

ную значимость солидного фолианта «Қазақ есімдері». Это плод больших усилий, многолетних, кропотливых исканий, принципиально нового подхода к актуальным проблемам языкознания в широком историческом, культурологическом, общественном аспекте, научной систематизации безграничного материала в области казахской ономастики и антропонимики.

Словом, это уникальное исследование заслуживает самой высокой оценки. Не знаю, обладает ли его автор – Аскар Смагулов – научной степенью, но я, будь моя воля, со своей колокольни охотно присвоил бы ему за «Қазақ есімдері» научную степень – доктор филологии. Труд этот – значительный и серьезный вклад в многогранную науку – казаховедение.

Июль 2013 г.

ДЕРВИШ, КАКОВА ВЕРА ТВОЯ?..

(эссе)

Водной из своих философских притчей («Вера») Тимур Зульфикаров вопрошает:
- Дервиш, какова вера твоя?..

Я вздрогнул от этого вопроса. Ясно, что я никакой не дервиш, хотя, чудится, моя душа тоже неприкаянно странствует по долинам-взгорьям, не находя пристанища и утешения на склоне лет. И, казалось бы, и у меня должна же быть какая-то вера, даже если я по воспитанию и трижды атеист.

Но в чем она, моя вера?

Цитирую Зульфикарова:

«Сказал:

- А я молюсь во всяком храме, который стоит на дорогах моих...

И на всяком камне, если нет храма вблизи...

И на всякой земле...»

Красиво сказано. Мудро, поэтично, всеобъемлюще. Задумался. Задумался и вспомнил.

С раннего детства я был отлучен от всякой веры.

Помню бабушку по отцу, Марию-Элизабет Зельцер, строгую, суровую, истовую лютеран-

ку. Я ее побаивался. И вся деревня тоже. Перед ней робели все мангеймовцы. Все ее дети – пять сыновей и две дочери – под натиском нового времени и крутой большевистской власти отдалились-отошли от веры, заповеданной предками. Она одна осталась верной своей Вере. Мужа, моего дедушку Фридриха, она похоронила еще в голодном 1921-м году, а сама умерла за несколько месяцев до войны, переломавшей, перемолотившей судьбу российских немцев.

Я знал братьев отца – дядей Вильгельма, Фридриха, Хайнриха, живал у них. Никакой особой тяги к религиозности в их семьях не замечал. Возможно, по причине малолетства.

Сохранились кое-какие фотографии той поры, в том числе запечатлевшая меня, девятимесячного, на коленях морщинистой, носатой, во всем черном бабушки.

Ну, а отец мой, один из первых сельских «комсомольцев», юношей вступил в Общество безбожников – билет с немецким текстом, кажется, сохранился. Звучит устрашающе, пугающе – Общество безбожников, но было на заре советской власти и такое общество.

Отец бравировал всю жизнь: «Не верю ни в Бога, ни в черта».

Но долгую свою жизнь отец прожил праведно и благонамеренно, по высшим нормам нрав-

ственности, но от той фразы – о Боге и черте – меня почему-то коробило. Мне всегда казалось, что лучше всего их не упоминать без особой надобности.

Да и ныне я придерживаюсь такой линии.

Очутившись в казахском ауле в трагические военные годы, я впервые столкнулся со словом «мұсылман».

Что это за вера и в чем ее суть, я, разумеется, не понимал. Заметил: о мусульманстве старались в ауле не распространяться. Само это слово было табу.

Даже приветствия: «Ассалаумагалеюм – уагалайкумиссалам» избегали, как и разных словечек из Корана. Всякая религиозность, набожность считались привилегией древних стариков.

Так было. Оллахи-биллахи! Пионером-второклассником я играл в скетче, разоблачающем мулл-невежд. Тогда-то впервые лицезрел пятничный намаз.

Было это в 1943-м или в 1944-м году. Жили в ауле отчаянно бедно. Ныне это невозможно даже вообразить. Люди превратились в тени. В чем только душа держалась – не понять. Кто-то верил – тайком! – в Аллаха. Большинство – в усатого вождя, великого Ыстеке-Сталина. Многие ни в кого и ни во что не верили.

Сумрачное время.

В верхней части аула, наискосок от дукена-магазина, жил тихо-незаметно мулла Елемес. Сухопарый, аскетического вида, бритоголовый, жидкобородый, отстраненный человек неопределенного возраста. Несколько раз на дню он в застиранном дамбале и облезлой плюшевой безрукавке отправлялся с кумганом в руке на пустырь за аулом совершать омовение.

Жил он замкнуто, благочестиво.

В сумерках по пятницам в его убогом домишке собирались семь-восемь набожных аульчан, и при чахлом свете лампы-семилинейки проходил намаз. Мой дружок Аскар доводился мулле Елемесу дальним родичем, и ему, сироте, дозволялось присутствовать при намазе. Аскеру одному слушать долгое бормотание арабских слов было, очевидно, в тягость, и он как-то пригласил и меня, инородца-кафира, и еще двух балашек-шалопаяев. Мы должны были примерно час-полтора не шалить, молча сидеть в закутке за печкой.

Я чувствовал себя чужаком, испытывал волнение и страх, рассеянно вслушивался в непонятные, но звучные молитвенные слова – Алла-а, субыхан, ил-ла аллаһ, ир-рахман рахим, аллаһу акбар, рәсула, шайтани – в оба глаза смотрел на муллу Елемеса, который на

пыльном, старом коврикe-жайнамазе клал поклоны, теребил себя за мочки ушей, опускался на колени, наклонялся то влево, то вправо, сгибаясь в пояснице, оглаживал ладонями лицо, бородачку, вставал на ноги и вновь опускался на коврик, и самозабвенно бормотал убаюкивающие, нескончаемые молитвы. Все телодвижения муллы точь-в-точь повторяли сивобородые, плешивые аульчане, которых я знал по имени. время от времени провозглашали «Ауминь!».

Люди искренне верили во всемогущество Аллаха, уповали на него, молились ему, поминали всех шейтов, погибших на полях сражения с проклятым Китляром, просили облегчить тяжелую жизнь аульных вдов и сирот, связывали свою горькую участь на земле только с Добром, Великодушием и Милосердием Всемилоостивого.

Меня этот пятничный намаз в захолуостном ауле потряс.

Неужели существует некая Сила. некий нечеловеческий Разум, который руководит порядком Вселенной?

Я поведал о моих откровениях и сомнениях отцу.

«Брось! - сказал он решительно. - Все это выдумки бедных и несчастных. Я лично не верю ни в Бога, ни в Сатану. Человек должен уповать только на себя. Имей в виду!»

Так я и жил. Так и рос.

Внимал отцу и приглядывался к аулчанам.

Вскоре сообразил: их вера неглубока, так себе, поскольку-постольку, на всякий случай, они предпочитали соблюдать некие традиционные каноны, отдаленные мусульманские верования. Говорили почти или чаще всего автоматически: «Бисмилля!», «О, тәңірім, қолдай гөр!», «Құдай сақтасын!», «Бергеніңе шүкір», «Бұйырғаны болар!», «Тәуба, тәуба!», молитвенно оглаживали лица, к месту или не к месту произносили какие-то заученные арабские слова, как я позднее понял, в сильно искаженном виде, с аульным, сугубо казахским макамом, благодарили Всевышнего за любую трапезу, за всевозможные благодеяния, и все это очень походило на некий освященный предками ритуал.

Вера, как мне показалось, не была истовой, глубокой. Аллаха упоминали часто, но по инерции, всеуе.

Таковы были мои аульные впечатления. Позже я в том утвердился уже в разных областях необъятного Казахстана. Вера укрепилась в сознании у казахов южного края, тех, кто был ближе к узбекам.

Получалось, как по горьковской формуле: веришь в Бога – и есть Бог, не веришь в Бога – и нет его.

Очень удобная и универсальная формула, как отточенные гегелевские максимы: «Все действительное разумно, все разумное действительно», «все на свете объяснимо».

Получается: уверен в себе – нет Бога; нуждаешься в утешении и поддержке – верь в Бога и во всем уповай на него.

Все просто. Непререкаемо. И не обидно.

Формула Максима Горького утешала и вполне устраивала меня. Она оставляла нишу для собственного «я». Или лазейку. Не лишала воли.

А уже во взрослые годы читал и перечитывал дневники Льва Толстого.

Он без конца варьировал тему истинной веры, на все лады обыгрывал Бога, очень старался постоянно быть с Богом, верно и преданно служить ему, беспрестанно молился для себя и про себя: «Помоги, помоги мне не переставать сознавать себя твоим крошечным, но все-таки работником, чтобы не прошли это успокоение и радость, помоги» (11 декабря 1909 г.), внушал себе: «Живу – хорошо, буду работать Ему; умру – значит, не нужна больше моя работа» (8 декабря 1909 г.); старался отчаянно, упорно подчинить свою волю, свой характер, свои помыслы и темперамент одному Богу, оправдывать свое бытование высоким служением Ему: все

свои деяния неизменно измерять и испытывать своей верой – об этом Лев Николаевич пишет едва ли не каждый день в дневниковых записях. Мотив веры пронизывает все его сокровенные, исповедальные признания. Порою кажется, что он назойливо изнуряет свою телесную и духовную мощь тяжким религиозным испытанием. Он пишет об освобождении от заботы о славе людской, убеждает себя, что смерть есть пробуждение к более действительной жизни, кается в своих мнимых прегрешениях перед Богом, искренне признается в том, что «в 81 год только-только начинаю понимать жизнь и жить» (10 декабря 1909 г.); борется с разными соблазнами, житейской суетой, страстями и сомнениями: «Во всех религиях есть ложь, и есть истина. Лжи во всех разные, истина во всех одна. Уже по этому одному можно узнать, что в каждой религии истинно и что ложно» (9 декабря 1909 г.).

Я заметил: Лев Николаевич особенно суров и строг к Максиму Горькому. И, чудится мне, несправедлив, придирчив, как, впрочем, и к Шекспиру, и к Гете, и ко многим другим. Отсутствие четкой религиозной веры у Горького его явно раздражает.

«Читал Горького. Ни то, ни се...»

«Вечер читал Мещане Горького. Ничтожно».

«После обеда читал Горького, слабо. Нет главного – чувства меры – знаменатель велик».

«Вечер читал Горького. Знание народа черносотенного, прекрасный язык, т.е. говор людей. Но совершенно произвольная, ничем не оправдываемая психология, т.е. приписыванье чувств, мыслей своим лицам – и все больше героическая, а порою среда исключительно безнравственная. Потом рабское унижение перед наукой».

«Сон, обед, читал Горького»

«Читал после обеда о Горьком. И странно, недоброе чувство к нему, с которым борюсь. Оправдываюсь тем, что он, как Ницше, вредный писатель: большое дарование и отсутствие каких бы то ни было религиозных, т.е. понимающих значение жизни убеждений, и вместе с этим поддерживаемая нашим «образованным» миром, который выдает в нем своего выразителя, самоуверенность, еще более заражающие этот мир. Например, его изречение: «Верись в Бога – и есть Бог. не верись в Бога – и нет его. Изречение скверное, а между тем оно заставило мне задуматься»

«Дома вечер кончил читать Горького. Все воображаемые и неестественные огромные героические чувства и фальшь. Но талант большой»

Все эти записи-признания я извлек из дневника Льва Толстого за 1909 год.

Знаменательно признание: изречение скверное, а заставило задуматься.

Полагаю, не одного Льва Николаевича.

Изречение Горького, понятно, разрушало религиозную конструкцию, нравственно-этическую концепцию Толстого, сеяло сомнения, раздрай в мыслях.

Между тем, Бог и смерть – вот ключевые темы постоянных толстовских размышлений.

И вот основополагающая мысль: «Говорят, не думай о смерти – не будет смерти. Как раз наоборот. Не переставая думай о смерти – и будет жизнь, для которой нет смерти».

И еще одно любопытное признание: «Читал Канта. Религия только в пределах разума. Очень близко мне».

Да, таков Толстой. Он постоянно, до умопомрачения рассуждает о Боге, о смерти, но особенно близки ему жизнь, деяния, любовь.

А в отношении к религии он проходит к – казалось бы – парадоксальному выводу: «Я не хочу быть христианином, как не советовал и не хотел бы, чтобы были браменисты, буддисты, конфуцианцы, таосисты, магометане и другие. Мы все должны найти, каждый в своей вере, то, что обще всем, и, отказавшись от исключительно своего, держаться того, что обще» (3 декабря 1909 г.)

Стержневая мировоззренческая мысль.

Для меня это признание прозвучало несколько неожиданно. Но оно мне очень близко, созвучно, соприродно.

И оно перекликается с темой моего эссе – «Дервиш, какова вера твоя?»

И тут я снова вынужден цитировать суфиста-философа-странника-дервиша Тимура Зульф리카рова:

«Сказал:

В России – я православный...

В Азии – мусульманин.

В Индии – индуист саньясин монах.

В Китае – буддист.

В Израиле – древний иудей.

Я алчу всех вер и всех дорог, и сладко блаженно разъезжаются ноги мои на необъятных дорогах и тропах, и всюду летит душа моя, как отбившаяся от стаи птица...

И как пчела собирает меды со всех цветов...

И там где смерть застанет меня – у того храма утихнет в исходе жизнь моя... И там я уйду к Богу...

О, быстрая смерть, вечная вера моя перед тобой и после тебя...

О, странник Бога!»

Притча имеет продолжение. Я не могу здесь ее полностью цитировать. Приведу еще две ударные – на мой взгляд – строчки.

«Все бредут по божьим дорогам к Богу, и я путник всех дорог и религий, и молюсь во всех храмах...»

И я бреду по тем же дорогам, хотя я не дервиш и не молюсь ни в одном храме...

А вообще-то блажен, кто верует. У каждого смертного, видно, должны быть стержень, опора, вера. Называй, как хочешь. Неверующему тяжелее жить на земле. С возрастом это все ощутимей. Многие из моих знакомых на склоне лет пришли к вере – к католицизму, протестантизму, буддизму, мусульманству, христианству, иудаизму.

С верой, надо полагать, легче. О том свидетельствует жизнь большинства великих людей. О том все чаще задумываются и закоренелые, непробиваемые, упертые атеисты. А их, думаю, к избранникам Земли не отнесешь.

Мой отец на десятом десятке уже не бравировал своим воинственным неверием. Бога, помню, не упоминал, а сатанинский беспредел, дьявольские происки видел на каждом шагу. Крушение Советского Союза воспринял как личную трагедию. «Мой адрес – Советский Союз» было для него, спецпереселенца, убежденного коммуниста, не просто лозунгом, декларацией, а истинной Верой.

В Алматы одно время жила митрополит Алматинский и Семипалатинский Алексей.

Оригинальный и уникальный был человек: образованный, деятельный, общительный, обаятельный, жизнелюб.

Однажды за каким-то дастарханом он поинтересовался:

- А какова ваша вера?

Я, не задумываясь, ответил:

- Лютерманин.

Он задумался, помолчал, заметил удивленно:

- Да вроде такой веры нет...

Я расшифровал:

- Лютерманин-мусульманин.

И мы оба дружно расхохотались.

Я намекал на то, что предки мои были лютеране, а вырос я как бы в мусульманской среде. И получилась такая вера, своеобразный гибрид – лютерманин.

Сестра моя Эльма, живущая уже многие годы в Германии, как-то призналась: отец наш был атеистом, но истинно святым – свято исповедовал нравственные ценности многих народов и религий, следовал правилам Нагорной проповеди и коммунистическим этическим нормам.

Это так. Еще более мягко относилась ко всем вероисповеданиям моя мама, никогда, впрочем, свои чувства не афишируя.

О казахи мои!..

О себе же могу сказать, что к религии, к любой вере, оставаясь атеистом, отношусь издавна с уважением и подобающим почтением, воспринимая их, как неотъемлемую часть общечеловеческой культуры. И на склоне лет испытываю огромную благодарность к тем мудрецам – древним и настоящим, кто истинно заботился и заботится о спасении души, о Духе и нравственности в людских сердцах.

Май 2013 г.

ГУЛ СТЕПИ ПОД КОПЫТАМИ КОНЕЙ

Представляю русскоязычному читателю эту книгу-гигант. Называется она по-казахски «Қазақ жылқысының тарихы». Автор – доктор исторических наук, крупнейший в мире специалист-лошадник – Ахмет Тоқтабай.

Немало разных книг прошло на моем веку через мои руки. Но с такой книгой-громадиной, подлинной «лошадиной» энциклопедией сталкиваюсь, пожалуй, впервые. Весомое творение и в прямом, и в переносном смысле.

Ее просматриваешь, перелистываешь, а потом читаешь с наслаждением. С восторгом. Удивляясь и поражаясь. Это нечто необъятное, всеохватное, как сама казахская степь. Вчитываешься в этот фолиант и слышишь гул земли, дробный топот копыт вихрем проносащегося табуна.

Все в этой книге объемно и мощно: и текст, и редчайшие иллюстрации, и фактура, и дизайн и – главное – поэтика содержания не могут оставить читателя равнодушным. В данном случае история казахской лошади, охваченная во времени и пространстве, олицетворяет историю народа, историю страны, историю неистребимого национального Духа.

Поистине исполинский труд!

Немного конкретики:

Объем книги более 80 печатных листов. Иллюстраций (рисунков, репродукций, картин, фотографий, наскальных изображений, гравюр, схем, зарисовок, график) несколько сот. Огромный формат. Отличная бумага. Твердый переплет. Прекрасный шрифт. Тщательно продуманное расположение материала. Список использованной литературы включает 630 (!) наименований на разных языках. Указаны также архивные источники Казахстана, Узбекистана, Санкт-Петербурга, Оренбурга, Омска, Центрального госархива древних актов. Книга снабжена и другими данными, свойственными солидному научному исследованию.

Книга дает исчерпывающие сведения о древней казахской земле – родине лошади, о лошади в эпоху скифов-саков, амазонок, гуннов, древних тюрок, кипчаков, монголов, о породах казахских лошадей, о тонкостях коневодства, о конской сбруе («ер-тұрман»), о «лошадиных» продуктах, об уходе за призовыми скакунами, о народных торжествах-праздниках, связанных с лошадью, о лошади в военно-походных действиях и охоте, о месте лошади в духовном мире номадов и казахов в частности, о проблемах коневодства в современных формах хозяйствования.

Таковы основные темы книги. И, понятно, каждая тема имеет множество ответвлений.

Велика познавательная часть книги. Автор владеет сочным, образным казахским языком, передает все нюансы природного казахского речестроя, он глубоко вник во все тонкости «лошадиной» ауры.

Я много переводил казахской прозы на русский язык. И в прозе казахов лошади отведена величественная роль. И я постоянно наталкивался при переводе на разные камни преткновения, особенно когда дело касалось лошади. Я по крупице десятилетиями собирал свой «лошадиный» словарь. О том я поведал не однажды в своих переводческих статьях и в книгах «Ода переводу» и «Записки старого толмача». Я шел в освоении трудоемкой темы долгим, кружным путем. А теперь, на склоне лет, вчитываясь в фолиант «История казахской лошади», нахожу подробнейшие ответы на все свои вопросы, касающиеся подлинной национальной ментальности.

Лошадь – это мир казаха. Его крылья, его история, мерило его жизненных ценностей, благо, богатство, гордость и радость, поэзия и музыка, нравственный бренд. И этот мир в данной книге раскрыт, описан, вдохновенно воспет по всем статьям и параметрам. Это энциклопедическое

дия. Симфония степи – древнейшей и вечно обновляющейся.

Каких только сведений я не нашел в этой книге! Вот, к примеру, «Аттың сыны» – внешние приметы лошади. В этой части я насчитал 200 слов. Шея (мойын) лошади имеет такие приметы: қыл мойын, жуан мойын, жұмыр мойын, жолбарыс мойын, құлжа мойын, қысқа мойын, ұзын мойын, кезе мойын. А какими у лошади бывают зубы. Пожалуйста: сиыр тіс, қой тіс, доңыз тіс, бидай тіс, түйе тіс, құлан тіс, тауық тіс, алыс тіс, жайран тіс, жуан тіс, ұзын тіс. А глаза: қой көз, шегір көз, қыли көз, көк көз, тауық көз, ақ көз, томаға көз, қара көз, тостаған көз, шошқа көз.

И т.д.

Лошадь обладает всеми признаками красоты, изящества и благородства. Для описания частей тела лошади казах употребляет 100 слов-наименований.

Я, переводчик, для многих этих слов не нахожу русского адекватата (хотя, полагаю, он имеется, и истинные лошадики их знают).

Более тридцати слов необходимо для описания аллюра.

А какие виды седел? И вообще сбруи – по форме, по назначению, по материалу? А вид плетей-камчи (23)? А видов обращения с плет-

кой (қамшы үйіру, қамша билеу, қамшымен жасқау, сипай қамшылау, батыра қамшылау, орап тарту, шықпырту, оса тарту, тіле тарту, баса тарту, көсіп жіберу, серпе тарту, көсите тарту, салып қалу, сілтеп қалу).

Целая глава в книге посвящена продуктам из кобыльего молока. Сведения о лечебном кумысе мы находим еще в древних русских летописях. Литература о кумысе насчитывает тысячи произведений. На память приходит чудный рассказ Дукенбая Досжанова «Кумыс». На мой взгляд, это шедевр.

А какие бывают виды кумыса?

Саумал, түнемел қымыз (однодневной выдержки), құнан қымыз (двухдневный), дөнен қымыз (трехдневный), бесті қымыз (четырёхдневный). А в каких посудах его заквашивают и хранят. Вот предметы «кумысного» обихода: ожау, күбі, бұлқыншақ, көнек шара, тегене тостақ, тостаған, самар, салтаяқ, саба, торсық. В свой черед разновидности торсықа: шимай торсық, мүйіз торсық, өрме торсық, өркеш торсық, тай торсық. На чем настаивают закваску? Какими пользуются добавками - ароматическими травами? Какими мутовками взбалтывают кумыс в разных бурдюках? Как перевозили при кочевках гигантские бурдюки, сшитые из нескольких дубленых лошадиных шкур? Ка-

ким дымом коптят-обработывают кожаную посуду из-под кумыса? Как и сколько раз доят кобылиц? Каково назначение того или иного вида этого божественного напитка?

О, это целая наука, искусство, вековая традиция, освещенная опытом сотен поколений!

Вкус қазы, к примеру, в Казахстане всем известен. И я – особенно в зимнее время – предпочитаю қазы-қарта, жал-жая и прочие конские деликатесы. Выступая перед германцами, я всегда говорю о преимуществах этих деликатесов. в которых – по моему убеждению – жизненной энергии неизмеримо больше, чем в традиционных немецких колбасах, основанных в лучшем случае на 16 процентах свиного мяса. Да и свиношкә-то вскормлена химическими добавками.

Разумеется, я имею кое-какое представление о разновидностях қазы. Но не думал-не гадал, что разновидностей столько: жылт қазы, ала бұлт қазы, пышақ жүзі қазы, пышақ сырты қазы, шынашақ қазы, бармақ қазы, бір елі қазы, екі елі қазы, үш елі қазы, бес елі қазы, сере (кере) қазы, табан қазы, қарыс қазы, табалдырық қазы, жеңді білек қазы, тобаяқ қазы, дөңбек қазы, ұлпа қазы, бұжбан қазы, кірпіш қазы, домбай қазы, қос қазы, қазының құрышы, қазының тұйығы, берел қазысы, Гиннесс кітабына кірген қазақтың еңұзын қазысы.

Ух, обалдеть! У меня слюнки потекли, пока я переписывал все эти – знакомые и незнакомые – виды қазы.

Цитировать «лошадиную» энциклопедию хочется бесконечно, ибо перед читателем (чую, малоискушенным) открывается фантастический мир, от которого нынешнее поколение, к сожалению, все более отдаляется.

Ограничусь еще одним сведением по части лошадиной масти. Они бывают следующими: торы, шабдар, жирен, күрең, кер. қара, қоңыр, көк (ақ), сары, бөрте, құла, шұбар, бурыл, ала. Разумеется, все эти масти имеют и русский адекват. Сложность, однако, в том, что каждая масть имеет множества оттенков и индивидуальных примет: у торы – 28 подвидов, у шабдар – 10, у жирен – 28, у құла – 35, у ала – 27 и т.д.

Перечислю оттенки масти «қара» – вороной: қара, қаракер, макпал, қара, қара бұйра, сары бауыр қара, шалқұйрық қара, сымпыл қара, қоңыр қара, қара төбел, қара қасқа, қара шегір, алаяқ қара, ақбақай қара, аққұйрық қарала, мөлдір қара, қарасұр, алқарагер, аларакөк, майда қоңыр, шым қара, тым қара, бұлан қара, қабан құлақ қара ат, сүлік қара, ақсауыр қара, қара қоңыр, шымқай қара.

Привет московским горе-экспертам, обещающим обучить казахскому языку за две неде-

ли. Не понимают эти верхогляды-пустобаи, что только лошадиный мир едва ли можно познать и постичь за десяток лет.

Все кажется легким, когда ни бельмеса не знаешь.

Необходимо еще отметить, что все очерки-статьи о многогранном мире лошади обрамлены эффектными стихами из казахского фольклора, из древних эпических дастанов, лирико-героических сказов, легенд, преданий, притчей, стихами казахских жырау, расширяющими горизонт мировоззренческих, философских представлений о жизнедеятельности древнего народа.

Полагаю, что из всего выше сказанного можно сделать следующие выводы.

Мир лошади для подавляющего большинства казахов ныне – чуждый мир. Многим казахам и сам казах уже чужд. К сожалению, нынешние казахи от лошади заметно отстранились. На лошади ездят все меньше, в скачках-байгах-кокпарах участвуют все реже, откуда им знать тысячи и тысячи «лошадиных» слов, если ими в повседневном быту не пользуются? Они жалая от магазинных соевых сосисок не отличают, қазы они и во сне не видели, вместо кумыса пьют кока-колу. Оторвавшись от лошади, современная казахская молодежь (особенно горо-

жане) удаляется все дальше от казахского мира, от национальной истории, от культуры, от музыки. Топот лошади, лопотанье копыт она слышит разве что в мультфильмах или в батырских сказках. Вот этот огромный пробел в казахской космогонии в значительной мере восполняет энциклопедия энтузиаста Ахмета Токтабая. Именно в этом заключается воспитательная и познавательная значимость его исследования.

Труд этот – своеобразный памятник казахской истории, культуры, этнографии, языка и национального Духа. Эта книга одухотворяет прошлое нации и вселяет веру и мощь в будущее. Эмоциональный и эстетический заряд данного исследования огромен, гул конских копыт на бескрайних просторах великой Степи будоражит душу, заставляет сильнее биться сердце, и встречный тугой ветер наполняет грудь всадника силой, свободой, ликованием и торжеством.

Именно так я воспринимаю эту книгу-гигант, которая, по моему убеждению, заслуживает самой высокой научной, гражданской и исторической оценки.

Июль 2013 г.

КРУТОЕ ВРЕМЯ – ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ

Кажығали Мұханбетқалиұлы, давний знакомый, видный казахский прозаик, прислал мне рукопись своего нового романа «Таркезен» («Крутое время»): «Прочти, пожалуйста. Скажи, что получилось? Я корпел над этой вещью двадцать лет».

Мне это известно. И, судя по всему, роман этот – главный труд Қажығали.

Роман о Сырыме Датове (1712-1802) и его времени, драматическом и трагическом. О Сырыме бие и батыре, предводителе антифеодалного и антиколониального народного движения степняков Западного региона на исходе XVIII-го века. Роман, следовательно, исторический. Так определил его жанр и сам автор. Мне довелось на моем веку читать немало казахских исторических романов, о ханах, батырах, беках, биях, кедеях разных эпох и, признаться, отношусь к ним с некоторой настороженностью. В них очень много схожего, фольклорно-мифического, вымышленного, условно-поэтического и маловато конкретно-исторического, фактологического, документального. В этих романах, как правило, при-

существуют велеречивые бии-златоусты, отчаянные храбрецы-батыры, которые, как водится, «одним махом семерых побивахом», ханы, в большинстве своем мудрые и дальновидные, народные заступники, охотно жертвующие собой ради чести и достоинства предков, поклонники всемогущих аруахов; в этих многоверстовых красочных описаниях происходят, конечно, забавы лихих удалцов, барымта и карымта, умыкание невест, бешеные скачки по степному раздолью, искусные интриги, подлости и коварства, многодневные пиры-тои, многолюдные поминки-асы, разбои, вопли-кличи: «Аттан-аттан! Ойбай-ойбай!», случается и любовь, нежная и трепетная, и прочий восточный антураж, изрядно набивший оскомину.

В подобных исторических романах много экзотики, но история чаще всего и не ночевала.

Приступая к чтению исторического романа Қажығали, я невольно подумал: «Ну, опять окунусь в знакомый а-ляу-ляй».

К счастью, с первых страниц я понял, что это не так. И обрадовался. Повествование начинается с приглашения всесильным фаворитом императрицы Екатерины II генерал-фельдмаршалом Григорием Александровичем Потемкиным на аудиенцию барона Осипа Андреевича Игельстрома, назначаемого генерал-

губернатором Оренбургского края. Из официальной беседы двух высокопоставленных сановников перед читателем романа раскрывается широкая панорама сложных узлов отношений российской империи с подданными далекой степной окраины, все перипетии подспудных интриг с казаками, пограничными воинствующими казаками, с башкирами, мещеряками, калмыками и прочим вольным и подневольным людом, склонным к постоянным стычкам, грабежам, склокам и междоусобным войнам.

Такова завязка. Уж больно беспокойно на далеких рубежах не в меру разросшейся империи. Мудрено держать в узде строптивых и непокорных. Политика силы зашла в тупик. Старые методы подавления не срабатывают. Необходимы новые формы управления.

Видно, что историческая фактура в романе не с потолка взята, не из пальца высосана, а зиждется на документах, на фактах, на точных реалиях, на дотошное, по крупницам, исследование которых автор и извел годы самоотверженного труда. В романе функционируют крупные чиновники из высоких департаментов Петербурга, вершащие большую политику по удерживанию относительного мира и спокойствия среди многоязыких инородцев в закоулках могущественной империи. Об этих лицах дово-

дилось кое-что читать из разных источников. Кажығали, на мой взгляд, сумел выявить, вычленил самую суть. И изложить ее достоверно и убедительно. Понятно, художественно выполнить эту задачу было непросто.

Это касается и сугубо номадической части эпического романа. Я имею в виду воссоздание колоритных образов степных воротил, предводителей мятежных родов, конкретных биев и аткаминеров из окружения убедительного борца за свободу народа, истинного радетеля униженных и оскорбленных, вечно гонимых – Сырыма Датова, осознававшего, что ханское правление в Степи изжило себя, что отныне отношения с Империей необходимо строить на иной основе, что судьбу народа следует решать не в ханской ставке, не на «Ханском совете», а на великом Совете верных избранников самого народа, которые в состоянии навязывать добрую волю заскорузлым чиновникам царской администрации. Таковы зачатки степной демократии. Такова историческая миссия Сырыма-батыра, выросшего из бунтовщика в крупного политического деятеля, сумевшего в нужный час настроить своих соратников на новую волну прогрессивных отношений между Империей и верноподданными, сохранившими дух вольности номадов.

В романе преобладает внутренний динамизм. Именно из речей и размышлений его героев, из долгих многостраничных живых диалогов и монологов вытекает динамичная концепция сложного, многопланового произведения, привлекательность его композиции и логика действий.

Роман густо населен действующими лицами. Поименно названы предводители родов, показаны их взаимоотношения, их речевые характеристики, их поступки, их сомнения и душевные терзания, их тяга к справедливости, миру, благоденствию соплеменников, потомков. Монологи и диалоги воспроизведены изящно, согласно культу степного речестроя и традиционного бийского красноречия. Даже русская речь царских сановников передана во всех нюансах с подлинно казахским шармом.

Я не анализирую роман, не вхожу во все его художественные детали, решения и своеобразия, я лишь пытаюсь бегло выразить впечатления о прочитанном. Руководствуюсь при этом, по мере своего разумения, известным штанд-пунктом Льва Толстого: «Я давно уже составил себе правило судить о всяком художественном произведении с трех сторон. Во-первых, со стороны содержания – насколько важно и нужно людям то, что с новой стороны открывается

художником, потому что всякое произведение искусства только тогда произведение искусства, когда оно открывает новую сторону жизни; во-вторых, насколько хороша, красива соответственно содержанию форма этого произведения; в-третьих, насколько искренне отношение художника к своему предмету, то есть насколько он верит в то, что изображает, где сказывается его любовь и ненависть».

Роман Қажығали, думается мне, отвечает этим высоким требованиям. Содержание его важно и нужно своей актуальностью казахам (и казахстанцам), строящим свою свободную и независимую страну. И оно (содержание) вполне соответствует той психической, повествовательной, изобразительной форме, которую выбрал автор в традиционном ключе. И он (автор) убежденно верит в то, что им исторически живо воссоздано, и в мировидении его отчетливо сказывается его любовь (к свободе, достоинству, чести, самоутверждению) и ненависть (к рабству, насилию, двурушничеству, беспределу).

Именно с такой колокольни я и оцениваю роман Қажығали. Ему удалось сохранить речевое и поведенческое своеобразие представителей каждого сословия и каждой национальности даже в мелочах, а главное – выдержать стройность и логику повествования.

При этом полагаю, роман не лишен и очевидных огрехов. При переводе, например, на русский язык (или другой европейский язык) наверняка смутит обилие казахских имен, названий родов, запутанные племенные и клановые отношения, пафосные речи, некоторые повторы, монотонность антуража. Но, видно, автор не о том заботился, а, прежде всего, о своем казахском читателе. Тогда и мое замечание наверняка беспредметно. И еще куда-то исчезли с арены истории номадов милые казашки-степнячки. Или я их не разглядел? На всех крутых этапах своей судьбы они ведь всегда играли немаловажную роль.

...Спускаясь с холма, где только что отшумел «Народный совет» старейшин родов, провозгласивший единство, волю и идеалы свободы, Сырым-батыр задумчиво вглядывается в безбрежную даль, сияясь сквозь марево веков провидеть будущее своей вольной и могучей страны. И что ему провиделось-померещилось с холма 1785 года? Может, тяжкий и тернистый путь к вожденной свободе?..

2012 г.

МИР КАЗАХОВ

Поаплодируем автору: он сотворил значительный труд – с убедительной концепцией, выверенной конкретикой, гражданским пафосом и четкой учебной направленностью.

Он написал свою книгу (пока первый том) для русскоязычных людей. Но она шире обозначенной автором цели. Назвал он ее немного по-ученому: «Ситуативный казахский». Таким названием он явно сузил ее горизонт, сузив его до лингвистическо-методологических рамок. Я бы назвал этот труд: «Мир казахов», ибо казахский язык, казахский образный строй, мировоззрение и духоустройство раскрываются в историческом плане на фоне казахской языковой стихии и ментальности в адекватной передаче на русском языке.

Автор – Канат Тасибеков. Книга вышла в Алматы, в 2012 году в объеме более 16 печатных листов тиражом в 1000 экземпляров. (По мне, у этой книги должен быть миллион читателей).

По сути, эта книга – малая энциклопедия казахской ментальности. Автор свободно, я бы сказал, грациозно плавает в океане казахского речестроя. Генетическая память услужли-

во подсказывает ему убедительные и красочные казахские выражения, пословицы и поговорки, которые он нередко блистательно, сохраняя смысл и форму, переводит на русский язык. Каждый, кто хочет знать казахов как народ с древнейшей языковой культурой, обязан знать эту книгу. Ее надобно читать медленно, с карандашом, с частыми урывками, делая для себя пометки, то и дело задумываясь, пробуя каждое народное, меткое, образное выражение на вкус, на зуб, вникая в его глубинный, сокровенный смысл.

Суть своего труда автор определил следующим образом: «Так какой же казахи народ, каков казахский характер, менталитет, что́ для казаха имеет особую ценность, чем отличается казахское отношение к окружающему миру от неказахского, какими нормами и правилами казахи руководствуются в повседневной жизни? Ну, вот, скажет благонамеренный читатель, начали с изучения языка, а кончили за упокой. Однако очевидно, что освоение языка невозможно без познания культурных, ценностных ориентиров, а также гибкой ментальности носителей этого языка. И наоборот – ход рассуждений человека, принимаемые им мысленно выводы и озвученные решения детерминированы языком, на котором он эти решения обдумывает и уж затем озвучивает» (стр. 51-52).

В соответствии с этой задачей и выстроена композиционная книга. Автор говорит не только о мощи и образности казахского языка, он раскрывает мир казахов, охватывая все грани его самобытной сущности. Все, о чем говорится в этой книге, мне хорошо знакомо с аульного детства. Но заслуга автора в том, что все эти безграничные явления и факты он привел в строгую систему и проиллюстрировал богатейшим языковым материалом. Именно в этом – в убедительной конкретике – заключаются значимости и ценности книги. Я читал ее долго, задумываясь после каждой страницы, каждого абзаца, сопрягая прочитанное со своим личным – переводческим и писательским – опытом, мысленно подбирая русские и немецкие аналоги к сугубо казахским словесным конструкциям – устойчивым выражениям, фразеологизмам, пословицам и поговоркам. Сотни и тысячи примеров казахского речестроя, выражающие суть национальной ментальности, активизируют мысль, расширяют этнические и этические представления.

В 14-ти главах книги в яркой, увлекательной форме (с иллюстрациями двух остроумных типажей) приводятся специфические факты истории, фольклорные понятия, особенности национального характера, своеобразия речевого по-

ведения в разных жизненных ситуациях. В аннотации подчеркнуто, что «книга адресована, в первую очередь, русскоговорящим казахам, а также всей широкой русскоязычной аудитории казахстанских читателей, всем, кто хочет красиво и правильно говорить на казахском языке».

Какие грани казахского бытия охватывает автор? Начинает он издалека, с самых основ, с глубин – с ТЕКа, с происхождения. ТЕК для казахов – одно из ключевых нравственных понятий. Происхождение свое нужно знать, им следует гордиться, ибо «тексіздің тегі – құл» – «не знающий своей родословной – раб».

Непременно необходимо знать свои жеті ата – семь предков, ибо «тамырына қарай бұтағы, тегіне қарай ұрпағы» – «по корням и ветка, по предкам и детки».

Далее раскрываются Ата тегі – свой род, приводится схема родоплеменной структуры казахского народа (первоначальный союз «Алаш» – три жуза, их роды и тайпы). Из схемы следует, что к Старшему жузу относится 11 родов, в Среднем жузе – 6, а в Младшем – 3 тайпы, которые насчитывают 25 родов. Автор напоминает известную половицу, характеризующую три жуза:

– выходцу из Старшего жуза дай бадью и от-
правь поить скот;

– выходцу из Среднего жуза дай перо и отправь на судебную тяжбу;

– выходцу из Младшего жуза дай копье и отправь на битву.

(По-казахски эти три сентенции эффектно рифмуются).

Специальная главка отведена семье (үй іші) – основе бытия. Здесь речь идет о дедушке-бабушке (ата-әже), отце-матери (әке-шеше), супругах (ерлі-зайыпты), детях (ұл-қыз), о всевозможных родственниках, прямых и косвенных, ближних и дальних, по отцовской и материнской линиям, по жене, по мужу. О, это целая наука, полная незыблемых ритуалов! И все эти понятия иллюстрируются не одной сотней поговорок и пословиц, которые преподносятся также в русском переводе. Мне, сильно «оказанному» немцу, все это в большинстве своем известно, однако в этот бездонный и безмерный этнолингвистический океан я погрузился с охотой. Подбор казахских пословиц к каждому из этих понятий просто поражает. Это, действительно, удивительный и красочный мир номадов. Автор напоминает: «Кроме трех ветвей родственных связей, есть еще и родственники родственников или дальние родственники: туысқан, ілік, жамағайын, жетжат, неродственные связи: құрдас, тату дос, жора жолдас, тамыр, таныс, ауылдас, жерлес.

Ойдойт! Попробуй растолкуй все эти мудрости русскому или европейцу. Как говорится, черт ногу сломит.

IV глава книги посвящена характеру (мінез) казахов. На фоне убедительно подобранных пословиц (их опять-таки сотни и сотни), автор подчеркивает такие грани казахского характера, как своенравный (жылқы мінезі), добродушный (ақкөңіл), гостеприимный (қонақжай), суеверный (ырымшыл), знающий (білімді), многосторонний (сегіз қырлы!). Казах обязан быть, кроме всего прочего, уважительным, воспитанным, доброжелательным, бесхитростным, милосердным, приветливым, авторитетным, достойным, почтенным, честным, справедливым, чистым, патриотичным – и все это отражено в назидательных, предками заповеданных пословицах.

Наследие (мұра) – самостоятельная тема. Что оставили предки казахов в наследство? Автор отвечает:

- тіл – язык, на котором мы говорим;
- жер – землю, на которой мы живем;
- бірлік – единство и согласие всех людей, живущих на этой земле.

И эти постулаты щедро проиллюстрированы мудрыми пословицами и народными сентенциями.

В течение веков у казахов выработалось устойчивое мировоззрение. Оно четко и образно выражено в пословицах, в раздумьях степных философов и жырау-сказителей, в стихах поэтов. Автор книги «Ситуативный казахский» их обильно цитирует. Какие грани национального мировоззрения рассматривает Канат Тасибеков? Вот они: фатализм (жазған), отношение к религии (дін), отношение к богатству (мал), отношение к власти (билік). Каждая из этих граней эффектно раскрыта в пословицах и кредо златоустых мудрецов. Примеров – сотни. Приведу здесь один:

*Не имеющий доверия народа хан – сирота;
Имеющий неразумного хана народ – сирота;
Если неразумен аким – сирота;
Без друзей джигит – сирота;
Без учеников наставник – сирота.*

Отдельная глава в книге посвящена казахскому этикету. О, это удивительный, познавательный мир! Речь всесторонне идет об обычаях и традициях народа. Каковы они, автор описывает: сүйінші, қалжа, шідехана, көрімдік, қырқынан шығару, тұсау кесер, сүндет тойы, соғым, ерулік беру, тоқым қағар, үйден дәм татқызу, үй көрсету, есік ашар, ат тергеу, құдайы, көңіл айту, ауыз ашар, ораза айт, құр-

бан айт, ішек беру, наурыз – привожу здесь сплошь казахские названия, ибо этих традиций и обычаев нет ни у русских, ни у немцев. Их приходится только словесно описывать и проиллюстрировать народными пословицами. Учтивость – одна из основ казахского этикета. И о том говорится в книге обстоятельно.

В отдельных главах рассмотрены такие стороны национального бытования как женитьба (сватовство, проводы невесты, свадьба, визиты сватов), похороны (оповещение, подготовка к похоронам, отпевание, захоронение, поминки), пожелания (благословение, пожелание), пословицы (прямые, смысловые, переводные).

Меня, переводчика казахской прозы, особенно заинтересовали примеры из раздела «Фразеологизмы». Казахские фразеологизмы – поразительное богатство и один из камней преткновения для переводчика. Я об этом много говорил и писал в своих переводческих книгах-исследованиях. Конечно, почти ко всем казахским фразеологизмам можно подобрать аналоги, видно, в любом языке, но это довольно сложно. Любопытно такое наблюдение автора: «...идет сближение фразеологии, вернее, идет процесс приближения казахской фразеологии к русской, и уже некоторые из переводных фразеологизмов можно с полной уверенностью отнести к казахским».

Автор разделил фразеологизмы на три группы: прямые, смысловые и предлагаемые им казахские аналоги устойчивых выражений русского языка.

Вот фразеологизмы прямые:

- алыпкел, жауып кел – подай-принеси;
- аза бойы қаза болу – помертветь от страха;
- аузын ашса жүрегі көрінеді – душа нараспашку;
- бірі ұрымға, бірі қырымға – кто в лес, кто по дрова;
- мизам шуақ – бабье лето.

Примеры смысловых фразеологизмов:

– Арамдық адамның ажарын бұзады – дословно: подлость человека портит его лицо. Русский аналог: Бог шельму метит.

– Екі иығына екі кісі мінгендей – дословно: как будто на каждом плече по человеку сидит. Русский аналог: косая сажень в плечах.

– Мың оңның бір солы – букв.: из тысяч правых один левый. Русский аналог: исключение из правил.

А вот русские фразы и их казахские эквиваленты:

- Гол как сокол – тақыр кедей.
- Держись подальше – пәлеге жолама.
- Не ищи приключений – сау басқа сақина тілеме.

– Ну, это ты чересчур – қатты кеттің ғой.

– Что с дурака возьмешь – құдай ұрғанға не амал.

В книге по главе отведено наиболее распространенным казахским именам, их этимологии и поговоркам о родах. Они тоже способствуют глубокому погружению в казахский языковой мир.

Словом, Канат Тасибеков написал весьма полезную и интересную книгу для тех, кому небезразлично казахское мировидение и мироощущение. Простудировав эту книгу, обогатишься знанием, облагородишь душу, просветлишь ум.

Рекомендую всем! А сам с нетерпением жду второй том этого труда, над которым в настоящее время работает автор.

2012 г.

«ВЕЛИКОЕ КОЧЕВЬЕ» БИГЕЛЬДЫ

Автор этой книги – поджарый, подтянутый, спортивный, мобильный молодой человек. Подстать ему и его творение – опрятное, мускулистое, без воды и жира, энергичное, цельное. Скажу по-казахски: өзі де ширақ, сөзі де ширақ. Шымыр. Жинақы.

Автор – Бигельды Габдуллин. Книга его называется «Великое кочевье». О чем книга? Автор поясняет: «О тех, кто строил государство Казахстан». Жанр – историческое эссе. Книга посвящена 20-летию независимости Республики Казахстан. Книга была неплохо рекламирована в духе времени. Все ее главы печатались в газете «CentralAsiaMonitor», отрывки – в «Просторе». О книге положительно отозвались на Пленуме Союза писателей Казахстана (май 2012 года). Я ожидал отзывы (возможно, критического свойства, у нас ведь по части истории все знатоки-оппоненты – по любой дате готовы пыль поднять столбом), но таковые мне не попадались. Значит, надо полагать, шестивековую историю казахов автор осветил адекватно. Не зря, видно, просиживал не один год в библиотеках и архивах. Определил автор двумя ци-

татами и свой стержневой штандпункт. Одна цитата из Цицерона: «Первый закон истории – бояться какой бы ни было лжи, а затем – не бояться какой бы ни было правды», а вторая – из Назарбаева: «Мечтая о достойном будущем, давайте помнить о достойном прошлом».

Бигельды верен этому постулату-кагиде: он помнит и напоминает.

Конкретизируя свое творческое кредо, автор в предисловии напоминает сентенцию Т.Карлейля: «История мира – это биография великих людей».

Шестивековое великое кочевье по древней степи номадов автор компактно, в исторической, хронологической последовательности изложил в пяти компактных главах. Лично меня особенно заинтересовало описание эпох, в которых я не обитал и о которых имел (и имею) явно поверхностное, книжное представление.

Первая глава называется «Сага о казахском ханстве». Какие темы раскрываются в этой «Саге». Вот они:

– Заветы Кереея и Жанибека (в скобках – для ориентира – обозначу временные рамки – 1456-1470-ые годы).

– Шаги истории: неумолимая предопределенность.

– Точка невозврата или отсчет для нового взлета?

– Сказание о Есим-хане или Шекспировские страсти (напомню: временной отрезок 1604-1643 г.г. – бурная эпоха поистине шекспировских страстей – достаточно представить все героические деяния славного Есим-хана).

– История не знает сослагательного наклонения или от какого наследия мы хотим отказаться.

Таковы тематические параметры первой главы.

Вторая глава освещает Казахстан в эпоху мелких ханств. В «Нелирическом отступлении» автор приводит очевидную истину: «Ведь все эти распри между моголами, шейбанидами, тимуридами – да что там! – междоусобицы внутри Казахского ханства – все это не что иное, как братоубийственные войны. И с этой данностью истории нам надо жить и строить будущее (стр. 41)» Главный герой этой главы – Аблай хан (умер в 1781 г.). Заключается глава историей мятежного хана Кенесары Касымова – «одной из самых сложных фигур в истории Казахстана».

Факты и события драматического накала читаются в изложении Бигельды как увлекательный детектив, как остросюжетный роман.

Третья глава – «В поисках государственности» – освещает такие подтемы: «Институт ханской власти. Перезагрузка»; «Мощный ис-

точник интеллекта. «Алаш Орда»; «Исламская идея. Туркестан». Представили политический и временной горизонты? Логика композиции книги не вызывает нареканий.

Четвертая глава, именуемая «Под властью серпа и молота», – очень близкое моему поколению время в истории Казахии. Речь тут идет о красных наркомах и секретарях ЦК (Станислав Пестковский, Сейткали Мендешев, Филипп Голощекин, Левон Мирзоян, Николай Скворцов, Геннадий Борков, Жумабай Шаяхметов, Пантелеймон Пономаренко, Иван Яковлев, Николай Беляев, Исмаил Юсупов, Динмухамед Кунаев, Геннадий Колбин – выписываю все эти имена для тех, кто ныне тщетно выстраивает эту цепочку, уже не помня их временную последовательность. Я лично помню это время с Жумабая Шаяхметова).

Заключительная – пятая – глава книги названа «Казахстан. Свой путь. Эпоха Назарбаева». В этой главе я с волнением прочитал американскую исповедь самого автора и перипетии его возвращения на Родину. «И заглядывая в недалекое прошлое, все чаще приходил к мысли о том, что совершил главный поступок в своей жизни – вернулся на Родину. Человек без Родины перестает быть человеком».

В устах Бигельды это признание звучит весомо. Логично, что эту книгу завершает прило-

жение – «Летопись знаменательных событий в истории казахской Орды», составленной писателем и историком Мухтаром Магауиным.

Первая дата «Летописи» помечена 1456 годом. Какое же тогда произошло событие? Образование Казахской Орды. Ханы Керей и Жанибек со своим народом обосновались в долинах рек Чу и Талас.

Последняя дата этой летописи – 1847-й год. Чем она знаменательна? Погиб Кенесары-хан. Падение Казахской Орды. Начало 144-летней колониальной эпохи в истории казахского народа.

В аннотации к книге Б. Габдуллина «Великое кочевье» сказано: «Эта книга – скромная дань памяти тех, кто в течение веков строил государство Казахстан».

Автор свою задачу эффективно выполнил, написав полезную, содержательную, актуальную книгу.

В частной беседе Бигельды мне признался, что уже осуществлен казахский перевод книги. Это радует. Но необходимо, чтобы эта книга прозвучала и на английском языке, дабы о Казахстане пополнил свои все еще скудные познания наиболее широкий читатель.

2012 г.

В ОРШУТСТАНЕ, В ОРШУТСТАНЕ...

Видный сенатор США сэр Роберт Бакпай-Офф-Джонсон летит на своем личном, двухместном флайере, напичканном всевозможной компьютерной техникой, в неведомую страну Оршутстан по персональному приглашению его правительства на торжества по случаю дня рождения солнцеподобного великого сардара – лидера нации, основоположника этого фантастического государства.

Начало события – 5 июля 2230 года от рождения Христа.

Вокруг простирается бескрайняя, мертвая пустыня. Что такое? Может, сэр Роберт сбился с курса? Не веря ни экрану, ни компьютеру, он через спутниковую связь навел справку у диспетчера космического центра и выяснил точные координаты своего нахождения: все правильно – он приближается к границе диковинной страны под названием Оршутстан.

Таков закон «невеселой фэнтези», как определил автор свое увлекательное повествование.

Что за страна такая – Оршутстан? А это такое новое государственное образование в Центральной Азии, в котором в основном обитает

население – помесь орысов и шуршутов. Орысы, понятно, – русские. Шуршуты, тоже ясно, – китайцы. Они-то и образовали государство Оршутстан.

Напоминаю: действие происходит в 2230 году. Столица Оршутстана находится в голой пустыне под гигантским куполом – ни дать, ни взять, райский уголок на земле, где собраны в одном месте все чудеса планеты Земля. Тут тебе и пальмы, и секвойи, и баобабы, и джунгли, и саванна, и немыслимые небоскребы, и резвящиеся обезьяны, объевшиеся бананов и кокосовых орехов.

Словом, перед читателем раскрываются дивные картины, которые пересказывать я не в силах. А автор описывает их так ярко и вкусно, что пальчики оближешь.

Сэру Роберту все здесь в диковинку. Его, американца, страстного путешественника, бывшего политика и натренированного спортсмена, поражают не только сказочный ландшафт, но, прежде всего, уникальные человеческие творения. Таких антропологических типов он доселе не встречал. Глядя на бесконечные изображения солнцеподобного основателя государства Оршутстан – на плакаты, билборды, бюсты, силуэты, памятники, барельефы, он обращает внимание на то, что потомки очень силь-

но отличаются от их вождя более двухсотлетней давности. Он спрашивает у своего услужливого и говорливого гида-переводчика:

- Похоже, изображений вождя больше, чем икон?

- Этот человек основал наше государство, - отвечает гид.

- Поражаюсь. Ваш патша своим обликом совсем не похож на вас. Как время все изменяет!

- Да, время изменяет все.

- Выходит, все вы – оршуты?

- Нет, мы не оршуты. Мы – оршутстанцы! Оршутов я вам еще покажу, - загадочно отвечает гид.

Знакомая ситуация, не правда ли? Фэнтези все более приближается к реальности.

Вскоре появляются и «чистые» оршуты. Увидев их, сэра Роберт поневоле робеет. Странные человеческие существа: один глаз серый и открытый, другой – черный, с прищуром; половина волос на голове – русая, другая – смолистая. Брови, виски, подбородок будто склеены из разных рас света. Левые руки-ноги – длинные, правые – короткие. Ходят вперевалку, враскосяк, шатаясь. Сэр Роберт обомлел: «О, Иисус!»

Гид рассказывает заокеанскому именитому гостю диковинные легенды-предания об этом

крае. Что только не происходило лет триста назад на этой земле, на которой зародилась неслыханная страна Оршутстан!

Все загадочно и далеко. И в то же время так близко и знакомо. Диву даешься.

В легендах, рассказываемых расторопным гидом, присутствуют:

– люди с одним-единственным глазом на животе. Это Карынбаи, воспринимающие мир только брюхом;

– люди без мозгов и даже без головы (так что непонятно, куда применить головной убор);

– люди, которые поклоняются только злату и едят-крошат-кромсают горы, подпирающие небеса;

– толпы плешивых бунтовщиков, вознамерившиеся убить красного властелина-падишаха и разграбить его крепость-дворец;

– какие-то бесы-безбожники, разрушающие весь мир до основания;

– лицемеры-мунафики, превратившие мусульманский храм в торговый дом, которым Бог нужен лишь для того, чтобы заполучить миллионные и миллиардные кредиты для низменных нужд.

Читатель погружается в беспощадную, едкую сатиру, напоминающую «Историю города Глупова», «Пошехонскую старину» и им подоб-

ные немногие в мировой литературе произведения. В сатиру коллизий, обстоятельств, нравов, историй, событий, очень знакомых нашим современникам и соотечественникам. Плотным кольцом обступают нас «знакомые незнакомцы». Для сэра Роберта это миф, ибо обо всем этом он слышит в 2230-м году, а для нас это почти реальность, ибо мы все пребываем в реальности 2012 года.

Читаешь эту «невеселую фэнтези» и ловишь себя на том, что все, о чем повествует словоохотливый гид сэру Роберту Бакпайоффу, нам до боли известно: мы это видели и видим, слышали и слышим, ощущали и ощущаем, пережили и переживаем.

Вклинивается в повествование гордая и трагическая история о стране «Бозакстан» и его жителях «бозакцах», о самобытном кочевом народе, который по стечению обстоятельств, из-за гнусной политики и подлой идеологии превратился в «мамбетов», в «мамба» и разделился на две группы – «городских» и «степных». От пращура Карынбая пошли Мыркымбаевичи Кикымбаевы. Потомки вольных и могучих степняков-бозакцев обернулись жалким и позорным отребьем. Дьявол-искуситель Иблис добился-таки своего черного, подлого дела. Наступили дурные времена, когда солнцеподоб-

ный падишах, ненасытный до золота, ограбил всех и вся, воссел на кучи золота, провозгласил лозунги-идеи: «Богатство – это все!», «Выживайте, как можете!», «Обогащайтесь!», «Главное – ақша, ақша, ақша!».

Да-а... была некогда бескрайняя страна – Бозакия. Теперь она частично превратилась в своеобразную кунсткамеру-музей, где собраны всевозможные мутанты-люди – с единственным глазом на макушке, с тремя руками, с двумя головами, с безобразным ртом на животе, жуткие уроды, при виде которых сэру Роберту становится дурно до тошноты, до рвоты. Сюда свезли мутантов со всех углов Бозакии, где Империя испытывала атомные и водородные бомбы и превратила этот музей скорби, горя и уродства в бизнес, в очаг обогащения, в источник государственных доходов.

Со временем бозаки превратились в оршуты, которые в подпитии поют по-шуршутски, а ругаются – по-русски.

Такие крутые превращения произошли в Оршутстане в 2230 году.

Ну, а с природных бозакцев хоть что-нибудь или кто-нибудь остались?

Остались.

Их загнали в самую захудалую, убогую часть некогда необъятной степи, именуемую штатом.

а фактически – в резервацию. Там обитают потомки бозакцев, которые чудом спасли себя, сохранили быт, обычаи, нравы, память, ремесла, навыки, искусства, заповеданные предками. Острыми сатирическими мазками нарисовал автор небывалый политический, экономический, культурный расцвет страны Бозакии под предводительством солнцеподобного гениального лидера нации, об эпохе правления которого слагались неслыханные саги и мифы-легенды.

Увы, все это было в прошлом. Измельчал народ, ничтожествами обернулись верные визири (признаюсь, многие эти визири мне лично знакомы), сам солнцеподобный падишах (великий демократ-патриот) погиб под горами накопленного золота.

Все было, было, было. И мы – свидетели той легендарной эпохи, о которой с таким восторгом, упоением, с такими яркими деталями-штрихами рассказывает неутомимый гид бесконечно потрясенному многоопытному сэру Роберту.

За три дня торжества в столице Оршутстана сэр Роберт наслушался много диковинного и умопомрачительного. Он утомился от всех этих впечатлений; от рассказов об эпохе правления солнцеподобного сардара у него голова пошла

кругом. Много в голове американского сенатора не укладывалось. А впереди его ожидали новые потрясения в резервации бозакцев.

Здесь, пожалуй, необходимо напомнить читателю, что фамилия сэра Роберта – Бакпайофф. Выясняется, что его предок в восьмом поколении был просто-напросто Бокбаем, то есть родом из бозакцев, каким-то образом давным-давно эмигрировал в Америку. Легенда эта, по всему, не лишена основания: американский сенатор сэр Бакпайофф лихо ест конину, қазы, жал-жая, пьет кумыс, подолгу чаевничает, не чурается никаких бозакских деликатесов, даже ловко ездит верхом на иноходце, как бы подтверждая в глазах коренных бозакцев свое генетическое происхождение. Должно быть, именно потому он благосклонно, с кровным интересом, живо воспринимает все, что происходит в резервации бозакцев в диковинной стране Оршутстан.

Сэр Роберт диву дается на каждом шагу. Там, где некогда расположился город, основанный солнцеподобным сардаром, теперь пустыня. Там, где некогда вольно пролегала беспредельная степь, теперь бугрятся песчаные дюны. Там, где возвышались величественные горы, теперь плоская, унылая равнина.

- А горы-то куда подевались? - вопрошает обескураженный сенатор.

- Их продали и съели.

На месте былых грандиозных небоскребов появились низенькие однообразные «Чайна тауны». Некогда бозакцы сдали свои земли в аренду шуршутам, но через пятьдесят лет никто ничего им не вернул, более того, неизвестно, куда делись сами аборигены-бозакцы, будто в одночасье растворились во времени и пространстве.

Некогда кочевым бозакцам достался крохотный участок земли, который называют Мамбетией. Мамбетия раскинулась на трех холмах. Почему население живет обособленно? А потому что относятся к трем родам-жузам. И говорят они на разных языках? Нет, язык у них общий, единый. А как они отличают друг друга? По бородам. Как это? А просто: у кого борода длинная – тот относится к Большому жузу. У кого покороче – тот Средний жуз. А если вместе борода – куцая бороденка, считай, жуз Младший.

Понять это сэру Роберту, хоть он и далекий потомок Бокбая, мудрено.

Всю экзотическую прелесть былой номадийской жизни сэру Роберт познает в резервации бозакцев. Бесхитростный их быт приходится ему по нраву. Видно, сказывается все же давний генетический код. Больше всего его поражают за-

унывный наигрыш кобыза, способный разбудить в сознании слушателя вековую скорбь и печаль, всколыхнуть сонную природу, поднять песчаную бурю, заставить по-волчьи выть ветер; искрометные кюи на домбре, бодрящие кровь, возбуждающие душу, зовущие к воле, свободе, дерзаниям и свершениям; беспощадный айтыс – поэтическое состязание, вдохновенная импровизация степных бардов-акынов, красочно воспевающих свой род, своих батыров, беков и непревзойденных рыцарей ристалищ; дикие скачки на необъезженных конях-неуках; шумные тои и обильные дастарханы.

Нам, читателям, это не внове, мы о том читали, мы все это видели в разных масштабах, но автор «фэнтези» это описывает так ярко, так вдохновенно и сочно, столь богатым и образным языком, что чувствуешь себя счастливым участником грандиозного зрелища, испытываешь живое обаяние вольной жизни номадов, владевших некогда безмерным пространством бытия.

Увы, увы... все в былом.

Народ выродился. Вокруг резервации обитают китайцы, корейцы, японцы и прочий азиатский люд.

Трагедия.

В чем причина?

Гид отвечает: «В том, что враг мамбета – мамбет. Мамбеты ищут врагов только внутри себя. Видно, они исчезают со сцены истории, так и не осознав истину, что «мамбет мамбету друг».

- Выходит, они дети с неразвитым сознанием? - спрашивает сэр Роберт.

- Да, народ, состарившийся еще до того, как у него прорезались зубы, - последовал ответ.

На многое открылись глаза американского сенатора, посетившего в июле 2230 года таинственную страну Оршутстан.

Многое заново увидел, почувствовал, осознал и осмыслил современный читатель.

...На своем двухместном флайере сэр Роберт Бакпайофф-Джонсон летит назад в свою благословенную страну. А мы, слегка ошарашенные прочитанным, остаемся на нашей земле, которая пока что еще не обернулась загадочным Оршутстаном.

Кто автор этой «невеселой фэнтези»?

Некто Тауфих Шегиров.

Заглянул в справочник Союза писателей Казахстана: не нашел такого среди 700 членов этой организации.

Но чувствуется опытная рука крепкого прозаика: сюжет, композиция «фэнтези» выстроены безупречно, язык сочен и образен – подлин-

Герольд Бельгер _____

ный казахский речестрой, образы яркие, характеры достойные, детали убедительные, и в каждом предложении сквозит дыхание реальной жизни.

14-17 июля 2012 г.

ОН КАЗАХ, НЕБЕСНЫЙ ТЮРК

Я знал его как самобытного, эффектного переводчика мятежного поэта Махамбета, сподвижника повстанца Исатая. Помню: меня «зацепило» само название книги – «Стихострелы». Аналог казахского «Жыр-жебе». Книга эта вышла лет десять тому назад, и блистательное предисловие к ней написал чуткий ко всякой новизне Имангали Тасмагамбетов.

Махамбет олицетворяет собой гордый и свободный дух казахов, он радатель национальной независимости, несгибаемый борец за свободу, бунтарь с нежной, сострадательной душой, клубок ярости, непокорности, непримиримости к врагам.

Именно так я оценил переводы Махамбета на русский язык, осуществленные атыраусцем Бекетом Крашиным.

Со временем я открыл для себя и другие грани его таланта. За эти годы Бекет развернулся во всю свою творческую мощь.

Знаю, что он обрел доброе базовое образование. закончил философско-экономический факультет КазГУ, аспирантуру института философии и права Академии наук КазССР, много чи-

тал, преподавал, размышлял, творил, ярко проявил себя на общественной, литературной стезе.

Он масштабен, концептуально устремлен, всю свою сознательную жизнь напористо и успешно занимается проблемами философии, поэзии, художественного перевода, тюркологии, истории, лингвистики, экологии.

Я знаком с его книгами «Махамбет. Стихострелы», «Махамбет елі», «Бейбарс: эпоха и личность», «Запоздалые стихи», «Рыцарская поэзия казахских жырау», «Почтение земли: поклон человеку», а также с разными публикациями (эссе, стихи, исследования, переводы) в периодике.

Он отличается острым гражданским чувством, не занимается конъюнктурой, лакировкой, литературным «уфит-суфитом», «ахалай-махалаем», а затрагивает насущные проблемы настоящего бытия, видит их в исторической и философской перспективе.

*Настоящий нувориш
Оставляет кошке мышь.
А вот наши «нуворишки»
все смети: от игл до шишки.
Ну, воршки, клад зарыли,
а тушок смахнули с рыла?*

Он умеет язвить, больно щипать, горько усме-
хаться.

*«Ното homini lupus est» –
Сильный слабого все так же ест.
В обществе нашем доминируют стаи,
от крупных хищников до горностаев.*

И не боится ставить вопрос ребром, руковод-
ствуется гейневским постулатом: «На прокля-
тые вопросы дай ответы мне прямые».

*Реки мелеют,
Сер небосвод,
Страна богатеет,
Нищает народ.
Лозунги реют:
«Независимость!»,
«Равенство!» –
Сплошное «брависсимо!».
Сплошное празднество!
Лозунги реют:
«Братство!»
«Свобода!»
А где же богатство,
благо народа?*

Я здесь говорю не о лирической, а граждан-
ской направленности, мировоззренческой пози-
ции Бекета. Мне нравятся эти круто замешан-

ные, лапидарные строки, своеобразные «Ксении» в гетевско-шиллеровском духе.

По душе мне и его философско-патриотические мотивы. Ему, к примеру, принадлежит яростное, поистине махамбетовское стихотворение-манифест «Я – казах», в котором охвачена национальная суть в историческом разрезе. Стихотворение длинное, и я вынужден здесь ограничиться лишь несколькими строчками:

*Я не набожный монах,
Небо-Тэнгри – мой Аллах,
глядя ввысь на синеву,
восклицаю: «Я – казах!»
Много я врагов знавал,
битым был и правил бат,
потому-то я – казах,
вальным был, свободным стал.
Я от вали до свободы
претерпел и смерть, и роды,
но до истинной свободы
мне нужны эпохи, годы.
Мне неведом меткий страх,
даже мой несчастный прах
с того света все ревёт
гордый клич мой: «Я – казах!»*

Философичность, склонность к широкому и глубокому охвату темы вообще характерны творчеству Карашина. Совсем недавно я имел

возможность ознакомиться с его пока еще неопубликованной поэмой «Черный квадрат», навеянной известной картиной Малевича, и в той поэме в развернутом виде охвачены глобальные проблемы нашего драматического бытия.

Особо хотелось бы мне отметить его филологические, этимологические изыскания в области тюрко-казахского речестроя. Книгу Карашина «Почтение земли: поклон человеку» я часто и охотно читаю, восхищаясь (а иногда сомневаясь) его историко-лингвистическими трактовками обиходно-бытовых слов. Это увлекательное чтение: тюркология, лингвистика, сопоставительная грамматика меня привлекают со студенческих лет.

В этой области Бекет заметно находится под влиянием историка-языковедца-этимолога Олжаса Сулейменова. Кстати, упомянутая выше книга приурочена к 70-летию знатного казахского поэта и языковеда.

О чем речь?

О циклах эссе «По тропе Олжаса», «Тюрк и я», которые сотканы из множества лапидарных очерков, миниатюр, заметок, реплик, мимолетных зарисовок. Назову здесь несколько характерных, пронизанных знанием истории, лингвистики, философии, литературоведения: «Тюркское слово», «Волки и их потомки»,

«Гнездовье людей», «Шумеро-тюркские мотивы в библейских историях», ««Жаркое из тюркизмов» или «От озарений до прозрений»» и др.

Один пример из типичных наблюдений и выводов Бекета: «Слова жар, йар, зер, зар принимали участие в образовании массы, как тюркских слов, так и тюркизмов. Имеются следующие тюркские слова и их сочетания, «проЖАРенные» этими этимонами.

В кыпчакском диалекте: ЖАРық (свет), ЖАРқын (лучезарный, светлый), ЖАРқ-жұрқ (искриться), ЖАРқ ету (засверкать), ЖАРия болу (стать известным), ЖАРиялау (объявить, обнародовать), ЖАРқыл (сверкание), ЖАРқыным (светик мой). ЖАРқырау (блестеть, сиять), ЖАРшы (глашатай, вестник), ЖАРлық (распоряжение, приказ), аЖАР (озарение человеческого лица, его приятный цвет и лоск). В свистящем диалекте: ЗЕР, ЗАР (внимание).

Из этих светлейших основ возникли тюркизмы: жар, жара, жарко, жаркое, жар-птица, жаренный, жарить, жаровня, жарынь, заря, зарево, зарница, зардеться, зарозоветь, озарение, зрение, прозрение, зрелище, воззрение, зритель, зрелище, зрачок (по-тюркски – зер + очок, что буквально означает: «внимание открыто»)) (стр. 132-133).

Или вот Бекет рассматривает батальные слова «батальон», «батарея», «баталия» и расширяет их так:

*Аты-баты
от команды,
их родит язык войны.
Аты-баты
«тюрковаты»:
ат – стреляй, а бат – тони.*

(стр. 156)

Слово «кольчуга», «колчан», «чехол», «кобура», «забрало», «забор», «маска», «колокол», «торба», «баул», «карман», «стяг», «ярлык» он относит к тюркским корням, толкуя, объясняя, доказывая, делая ссылки на громкие авторитеты (М. Кашгари, В. Бартольд).

«Лошадиную» терминологию он сплошь связывает с тюркскими словами: лошадь – йолшы ат, караковый – «қара», чубарый – шұбар, буланый – бұла, чалый (чал – пестрый), узда – ұста, ауызда.

Убедительными показались мне его этюды-толкования слов и выражений: «хомут», «телега», «тарантас», «таратайка», «колымага», «коляска», «алтын», «монета», «соловей-разбойник», «баба-Яга», «Змей Горыныч», «Карабас-Барабас», «Серый волк»...

Иногда свои лингвистические разборы он подытоживает в стихах:

*Словом, в сказках Соловей
не певец и не солист,
он – разбойник и злодей,
издававший жуткий свист.
Соловей совсем не птица,
он – степняк, кипчак, огуз,
и грабитель, и убийца,
от него стоната Русь...*

(стр. 196)

Философско-лингвистические этюды Карашина заставляют думать, вникать в природу слов, находить диковинные корни, понять взаимосвязь и взаимовлияние культур и языков.

Читать Бекета Карашина увлекательно и поучительно.

С любопытством и восхищением ознакомился я с «Резюме» моего давнего знакомого. И только диву дался: сколько же у него наград, премий, дипломов, которыми за труды удостоили его Казахстан, Россия, Германия, Болгария, Италия, Австрия, США, в каких только странах не издавали его произведения, автором скольких десятков книг и сборников он только не является!

Надо же: обо многих этих фактах я и представления не имел, и слыхом не слыхивал.

Тем бóльшую я испытываю радость и гордость за него.

Впору литературоведам заняться «карашини-адой». Для размышления и осмысления он уже выдал немало материала.

Я воспринимаю его как даровитого младшего брата и пишу эти вольные, сумбурные строки, дабы поздравить Бекета Карашина с шестидесятилетием и сердечно пожелать ему новых свершений во всех гранях его незаурядной личности.

Сентябрь 2013 г.

II

НАБЛЮДЕНИЯ

«НЕПОНЯТНЫЙ КАЗАХ»

Все глупо и несуразно. И то, что московские власти отвели протестным крикунам место возле памятника Абаю, и то, что некий господин, квази-лидер выразился в своем блоге «непонятный казах», «крутой чел.», и то, что какой-то телеведущий (или артист) с диким русским акцентом, кривляясь, тужился прочесть в оригинале несколько строк из стихотворения Абая «Жазғытұры», и сам грязный бомжатный лагерь вокруг памятника великому казахскому поэту, и то, что доморощенные журналисты назойливо пытались пиарить Абая символом российских оппозиционеров, что, мол, мир познает Абая, что он, поэт-мыслитель, стал вдруг знаменем недовольных и непокорных едва ли не во всем мире, что русский люд повально увлекся творчеством казахского мудреца, и сам дурацкий лозунг «Окупай Абай», и т.п., и etc. — все глупо.

Глупо и унизительно для самого Абая.

Оскорбительно для его потомков и почитателей.

Поверьте мне: как-никак я написал четыре книги об Абае и составил шесть книг, изданных в Алматы, Астане, Праге и Берлине.

Как только началась эта сомнительная акция, наши СМИ пришли в патриотическое возбуждение, звонили мне, захлеб делились радостной сенсацией, просили: «Прокомментируйте».

А что, собственно, комментировать?

Место это для митингующих московские власти определили совершенно случайно. Вряд ли мэрия вознамерилась прославить таким образом казахского классика. Кто такой Абай – мало кто из москвичей знает. Толпа (дешевая публика, как сказал бы мой друг Константин Эрлих) даже представления не имела о каком-то Абае-бабае (по-татарски, бабай – дедушка). О его назиданиях и слыхом не слыхивала. А по мне, и сам памятник сомнительный: сидит в нелепой позе какой-то поджарый сарт-торгаш посреди бульвара ни к селу, ни к городу. Натаскали к нему, как к старьевщику, всякую дрянь, разбили грязный лагерь, вытоптали газон, нагадили вокруг, напугали жителей. Кое-кто из бомжей маечки напялил с изображением Абая. Кто-то раздобыл даже книжку, вылавливает из его назидааний протестные строки. А «наши» от радости и гордости тюбетейки кидают в воздух. О, Абай! Всем раскрыл глаза! Москвичи грезят Абаем! Русский мир познал нашего гения! С Абаем оппозиционеры идут на Кремль. Знай наших! Популярность казахов бьет через край. Жаса, Абай!

Слушать эту белиберду тошно. Смотреть на этот темный разгул стыдно.

А главное: причем тут Абай? Мыслитель, гуманист, просветитель, реформатор стиха? Разве о таком Абае идет речь? Разве такого Абая, бунтовщика-башибузука, должен открыть для себя русский мир? И весь многоязычный люд?

Странно это. Уродливо.

Разумное слово обо всем этом постыдстве я услышал по ТВ из уст моего знакомого – семейца Ерсалимова – внучатого племянника Абая. Он ясно и четко выразил свое возмущение по поводу всей этой, с позволения сказать, политической акции, которую подстать назвать кощунственным, разгульным шабашем, унижающим дух и ментальность Абая.

Я полностью согласен с Балташем Ерсалимовым.

Май 2012 г.

ГОРДОЕ ИМЯ – ЖУРНАЛИСТ

Признанный мэтр отечественной журналистики, лауреат множества премий профессор Сағымбай Қозыбаев порадовал своих поклонников новой книгой – «Гордое имя – журналист» (Алматыкітап, 2012, 46,8 н.л., тираж 1000).

Мне знакомо большинство книг Сағымбая Қозыбаева. О некоторых из них даже сподобился писать отзывы. Книги его всегда композиционно строго продуманы, охватывают многие грани общественного и социального бытия, верно и точно нащупывают дух времени, подчеркивают значимость и действенность яркого журналистского слова, целенаправленны, чаще всего двуязычны и богато иллюстрированы животрепещущими фотографиями. Автор трогательно влюблен в свою профессию, великодушен и доброжелателен к своим коллегам по перу, всюду ищет и находит новые таланты и щедро делится своей радостью, зорко нащупывает их сокровенные грани.

Эти достоинства журналиста божьей милостью проявились во всем блеске и в данной его книге.

Содержание книги богато и разнообразно. В нее вошли статьи, эссе, зарисовки, путевые заметы, воспоминания, рецензии автора, теплые отзывы о его трудах, интервью, беседы, злободневная публицистика, и весь этот многогранный материал убедительно распределен по шести большим частям, названным «Глас и око», «Аққу – символ любви», «Сәті түскен сұхбат», «Нетленно лишь написанное», «На пути к экватору», «Зеркало или прислужница?» Уже по одним этим названиям можно определить круг творческих интересов, строго очерченных автором. Каждая часть состоит из 16-25 подтем (подчеркиваю: на двух языках!), определяющих горизонты его видения.

Такая вот книга – научно-публицистическое и учебно-справочное издание. Таков излюбленный жанр автора.

На чем зиждется все творчество профессора Сағымбая Қозыбаева? Каков краеугольный камень его преподавательской деятельности? В начале книги он напоминает лапидарное изречение словенского афориста Жарко Петана: «О светлом будущем заботятся политики, о светлом прошлом – историки, о светлом настоящем – журналисты».

Этого кредо придерживается и автор объемной книги «Гордое имя – журналист».

«Журналист – кто он? - задается автор древним вопросом. - Подмастерье, писака, цепной нес демократии, литературная п-ка? Прости, Господи, как нас только не называют. Служанка, прислужница власти, зеркало жизни, голубой экран...».

Своей книгой автор отвечает на «проклятый» (Г. Гейне) вопрос.

Отвечает искренне, чистосердечно в заключительной заметке «Тропа к дому твоему». Дом автора – факультет журналистики КазНУ им. аль-Фараби, где он в разном качестве трудится без малого сорок лет. А «тропа» к этому дому – сама жизнь маститого профессора.

«Тропа...» – одновременно и эпилог данной книги, сотканной лишь из малой толики (написал, оказывается, более тысячи статей, заметок) авторских статей, интервью, откликов на события, на написанное обо мне коллегами и самим о них, дум об единомышленниках. Все нельзя объять – это давно известно. Просто очередной книгой напоминаешь себе и другим: «Ты жив, а значит творишь». В меру сил и дара.

Перо – острее меча. И возвращаясь к названию книги, я вновь и вновь повторяю: «Журналист – это звучит гордо!» Конец цитаты.

Геральд Бельгер _____

Подписываюсь под этими пафосными словами, хотя сам я по базовому образованию не журналист. Журналистика, однако, и мне не чуждый аул, ибо давно обитаю и творю по соседству.

«БОГОМ СОЗДАН БЫЛ ВОСТОК...»

Насколько я помню, тему евразийства поднимали в начале прошлого века русские философы. Они трактовали эту тему в широком аспекте – историческом, культурологическом, философском, географическом, геополитическом. Потому, возможно, термин трактовался несколько расплывчато.

Новый импульс этому понятию придал наш Елибасы, выступая в Москве перед студентами много лет назад. Я помню передачу по ТВ, в которой, помимо Н. Назарбаева, участвовали довольно известные персоны – историки, экономисты, политики. Назарбаев трактовал это понятие конкретно и, главным образом, сугубо политически. Мне тогда показалось, что он явно сузил рамки этого глобального понятия. Впрочем, у меня и поныне нет четкого видения в этом вопросе.

Понятной и симпатичной была и остается мне постановка Олжаса (Сулейменова): «Нет Востока и Запада нет. Два сына есть у отца». А задолго до Олжаса эту идею четко выразил Гете: «Gottes ist der Orient. Gottes ist der Okzident» – «Богом создан был Восток. Запад тоже создал Бог».

Этнически я вроде как человек западный. Но странным образом я больше тяготею к Востоку. Он меня очаровывает, будоражит, волнует. В сознании моем прочно укрепилось: человеческая цивилизация идет оттуда. Да и солнце восходит с Востока. В десятом классе аульной школы во время выпускных экзаменов представитель РайОНО, долговязый, поджарый российский немец по фамилии Мерфурт, беседуя со мной на лужайке перед интернатом, всерьез посоветовал мне держаться восточной ориентации. «Это ваша стезя». Видно, он исходил из того, что я, поволжский немец-спецпереселенец, оканчивал казахскую школу и говорил-писал по-казахски.

Мой уникальный друг еще с институтских и аспирантских времен, многогранный Аскар Сулейменов был ярко выраженным западником. Он глубоко разбирался в западной философии, культуре, литературе, музыке, живописи. И восторженно говорил, откидывая гривастую голову: «О! Запад есть Запад!» Его восхищало все западное. Даже футбол. С особым шиком произносил он имена западных мудрецов.

Мурад Аджи был помешан на всем кыпчакском. Всюду и во всем ему грезилась кыпчакские корни. Гимн Востоку воздал Гете своим «Западно-Восточным диваном». Правда, это увлечение продлилось у него недолго.

Олжас увлечен принципиально тюркским миром. Казахские элементы он находил и в шумерах.

А вот авторитетнейший академик Дмитрий Сергеевич Лихачев твердо и принципиально придерживался иных воззрений. Известно, что русская эмиграция «первой волны» мучительно искала место для России между Востоком и Западом. Да и в наше время муссирует на все лады панславянские и панмусульманские сближения.

Акад. Лихачев был категоричен: «Россия никогда не была Востоком. Евразийская теория мотивировалась исключительно географическим положением, но в культуре, в русской литературе подтверждения не находит».

И еще:

«В начале восточнославянского единства Русь была «Скандовизантией», но никак не Евразией»

И еще:

«В литературе восточные сюжеты приходили к нам с юга (из Византии) или даже с запада, но никак не с востока» (см. ЛГ от 05.02.1992)

Не знаю, не знаю... С мнением Дмитрия Сергеевича считаться надо.

Мне же лично всегда хочется максимально сблизить Запад и Восток. Я всюду обнаружи-

ваю какие-то общие корни. Этой идеей пронизана моя работа «Гете и Абай». Да и все мои исследовательские опусы. Открытия мерещатся мне именно на стыке культур разных континентов. В этом убеждают меня и Гете, и Томас Манн, и Герман Гессе, и акад. Журмунский, и Абай, и Ауэзов.

И это убеждение, думаю, плодотворно. Не убеждают меня только сугубо политические аргументации.

КОГО НАЗВАТЬ?

Если мне скажут: «Назови двадцать выдающихся – в твоем понимании – прозаиков», я их охотно назову, и среди них, безусловно, будут Лев Толстой и Томас Манн.

Скажут: «Назови десять» – назову, но и среди них окажутся те же.

«А если пять?» Выбор будет труднее, но присутствие Толстого и Манна бесспорно.

«А если двое?»

Однозначно: Толстой и Манн.

Те же вопросы по казахской литературе.

Двадцать прозаиков никак не назову. А пятих, пожалуй: Жусупбек Аймаутов, Мухтар Ауэзов, Такен Алимкулов, Абиш Кекилбаев, Мухтар Магауин.

Если назвать двоих, то Аймаутов и Ауэзов.

Если одного, то останется один Мухтар Омарханович.

«Ну, а как по казахской поэзии?» – спрашиваете вы.

Отвечаю: Абай, Джансугуров, К.Аманжолов, Кадыр Мырза-Али.

И все?

Геральд Бельгер _____

Могу назвать десятка три имен, но ограничусь четырьмя.

- Наверное, субъективно?

- Согласен.

«СТЕПНОЙ ДЖЮСАН ЗВЕНИТ И ПЛАЧЕТ...»

Самое сильное мое впечатление от моего бытования в Казахстане – степи: северо-казахстанские, павлодарские, семейские, костанайские, южно-казахстанские, аральские, мангышлакские. Их неизгладимую прелесть я ощутил в поездках – на конных повозках, на мотоциклах, на машинах. В степи ощущаешь себя вольным существом, будто паришь над землей. В степи я люблю молчать, внимать ее чарующим, таинственным звукам.

Вспоминаются всегда колдовские строки из какого-то стихотворения Максимилиана Волошина:

*Степной джюсан звенит и плачет,
Пустыня спит, а мысль растет...*

Как это всеобъемно сказано: «Звенит и плачет!»

Это надо было расслышать и выразить словами. Они напоминают по силе выражения лермонтовские: «Пустыня внемлет Богу», «И звезда с звездой говорит».

Все, все самое сокровенное может выразить человеческий язык. Если им владеет божий избранник.

У КАЖДОГО ПИСАТЕЛЯ СВОИ ПРИЧУДЫ

Понятно, у каждого литератора свои причастия, свои причуды, своя манера работы. Кто-то творит ночью, кто-то с первых петухов. Кто-то, как заведенный, прямо-таки маниакально, без перерыва работает каждый божий день. Кто-то ждет особого настроения, вдохновения. Кто-то трудится на износ, на пределе физических и творческих сил, кто-то — спустя рукава, по наитию, куда кривая выведет.

Все индивидуально. Как говорится, каждый по-своему с ума сходит.

Ильяс Есенберлин, к примеру, поздно пришел к прозе и за короткое время написал семнадцать романов. Работал, как одержимый. Был одно время очень популярным. За его исторический роман в аулах запросто давали овцу. Незадолго до его кончины я встретил его у газетного киоска. Вид его был измученный, предельно изнуренный. Еле передвигался, шатался. В глазах боль и растерянность. Давление, сказал он мне, упало до 60/40. Он купил несколько номеров «Простора» с переводом его исторического романа. Потом о нем говорили: «Зорығып өлді» (Надорвал себя).

В свои лучшие годы и Нурпеисов временами работал, по его же выражению, «с тотальной мобилизацией сил». Я находился рядом. Мне нередко от напряжения становилось дурно. А он, бывало, в полном изнеможении, как подкошенный, падал на ковер, лежал пластом минут пятнадцать-двадцать, потом обматывал голову мокрым полотенцем и, страшно пожевывая, вновь принимался терзать донельзя испещренную рукопись.

Кекилбаев, случалось, работал ночами напролет, а к утру так обессиливал, что, по его признанию, зубы шатались во рту. После завтрака, малость придя в себя, он отправлялся на службу в ЦК КПК, где урывками опять корпел над неподъемными романами «Плеяды» и «Всполохи».

Ахтанов говорил мне: когда не пишется, он читает халтурщиков-графоманов, находя в них утешение («оказывается, и так можно писать»), а когда писалось легко, читал классиков, дабы убедиться в своем ничтожестве.

Однажды мы, группа литераторов, встречали Чингиза Айтматова, летевшего из Турции. С изумлением он поведал нам, что сосед в самолете всю дорогу что-то строчил, не отнимая пера от бумаги. «Я так не могу, - удрученно сказал Чингиз Торекулович, - я больше вычеркиваю, чем пишу».

Прошу прощения, что в контексте этих выдающихся писателей говорю о себе, но я стараюсь работать более-менее умеренно, зато регулярно, всегда, строго по графику, не позволяя себе лениться. Не идет проза – пишу рецензии, статьи, обзоры. Не ладится с критикой – перевожу. Застопорился перевод – пишу очерки, воспоминания, заметки и наблюдения. Или, на худой конец, составляю книги, редактирую. То есть держу себя в относительной форме, без поблажек. Загоняю себя в строгий «немецкий» режим. Нурпеисов, бывало, внушал мне: «Ты ведь не железный. Не машина. Надо иногда давать себе передышку».

Я же придерживаюсь иного мнения: работать надо всегда и много.

Насколько знаю, мой младший собрат по перу Дукенбай Досжан пишет всегда, в любой ситуации, лежа на полу, навалившись грудью на подушку.

Всегда, по намеченному творческому плану, пишет и Магауин, убежденный, что так называемого вдохновения не бывает, а бывает лишь настрой, удобство, расположенность к писанию и культура труда.

Какой-то крупный русский писатель (запомнил кто) пожаловался в беседе Льву Николаевичу Толстому, что не пишется. Толстой сказал: «Вот об этом и пишете».

Такой подход к творчеству мне нравится. Писал всегда во всех жанрах и Гете. И не только художественные произведения, но и научные труды. И письма. И многое всякое. Полное академическое собрание его произведений составляет 143 тома. Правда, в беседе со своим секретарем Эккерманом он говорил другое. Вот его слова: «Посему мой совет – ничего не форсировать, лучше уж развлекаться или спать в непродуктивные дни и часы, чем стараться выжать из себя то, что потом никакой радости тебе не доставит».

По большому счету принцип этот правильный.

Аскар Сулейменов говорил об одном писателе: «Он страшно тужится, старается родить ребенка, который еще не зачат».

Что и говорить: глупое дело – рожать ребенка, который и не зачат даже.

Но я знаю и таких производителей пустышек-скороспелок. Ведомы мне среди своих коллег и те, что не зачинают ребенка едва ли не всю жизнь.

Мне по душе позиция Л.Н. Толстого, но прислушиваюсь и к совету Гете.

ОТКУДА ТРЕВОГА?

Бывают такие сумрачные моменты, когда мне мерещится, что в будущем казахи от родной речи отойдут на внушительную дистанцию.

Откуда тревога?

Вот несколько примеров. Рядом, на расстоянии брошенной палки, находится образцовая казахская школа. И ежедневно, уже многие годы подряд, я слышу, что ее учащиеся почти исключительно общаются между собой на русском языке. Так, видно, привычнее, удобнее. Знакомый писатель и бывший партийно-советский работник С.Т. живет в пятикомнатной квартире с шестью домочадцами. Он же – единственный носитель казахского языка в семье. Остальные говорят только по-русски. Вот он во время прогулки и отводит со мной душу: без усталости плетет искусные казахские речевые узоры. Признанный переводчик с русского на казахский А.Ж. общается со смышленным, бойким внуком только по-русски. Покойный мой друг Е.З. писал стихи на казахском, сын творит на русском, а внук и правнуки, обосновавшиеся в США, сочиняют стишки на английском. Сосед мой, ди-

пномат К.Т. окончил казахскую школу, в ладу с монгольским и немецким языками. Дети на бытовом уровне владеют казахским, но предпочитают изъясняться на русском. Внук же, можно сказать, и вовсе обрусел.

Таких фактов в моем окружении тьма. На тоях и свадьбах половина казахов произносят тосты по-русски или на жуткой мешанине.

О да, исключения, разумеется, есть. Таких примеров могу привести тоже немало.

Но чаще всего я слышу обедненную, примитивную казахскую речь. Синтаксис русский («Мен ойлаймын, что...»), интонация русская, произношение русской гортани, фразы предельно расхожие, адаптированные. Это только кажется, что имярек говорит по-казахски, на самом деле это воляпюк, койыртпак, каудервельшь.

Все реже мне кажется, что сдвиг за последние годы все-таки есть, что лед тронулся, государственному языку уделяется приоритетное внимание, что очевидны кое-какие успехи. Очень хочется так думать, но, боюсь, это не совсем так. Чаще всего то, что я слышу на улице, среди знакомых, даже с экрана ТВ, даже на официальном уровне, к исконному казахскому языку имеет весьма отдаленное отношение. Вот тогда-то мне и кажется, что будущее в овла-

дении казахским языком – швах. Туманно. Зыбко. Во многих казахских семьях по-казахски вообще не читают. А дети-внуки самых рьяных национал-патриотов по-казахски и вовсе не кумекают. Отсюда и мой скепсис, мое маловерие.

Или вот еще. Переводят (да еще в спешном порядке, скорее, для показухи, для понта) сложные для осмысления, вычурные по форме произведения, скажем, Борхеса, Маркеса, Сартра, Кафки, Камю, Коэльо, на казахский язык. Переводят (перекладывают, в смысле аудармайды – котарады) поверхностно, не вникая в смысл, в философскую суть, в мифологический подтекст, в технику живописания, по интуиции, приблизительно, разумеется, не с оригинала, а с русского аналога. То есть озвучивают не оригинальный текст, не первоисточник, а нечто вторичное, создавая нечто третичное. Ну, и кто это читает? Кто хоть что-то поймет? Эти неудобоваримые варианты подвергаются разносной критике именно по части казахского. Да я и сам убедился: эти, с позволения сказать, переводы просто немыслимы, невозможны, ни в какие ворота. Порой получается диковинная заумь вроде хлебниковского «ничикако никако». Тот искушенный читатель, который в состоянии воспринять вышеназванных мировых классиков, прочтет их – если не в оригина-

ле, то на русском. Так что казахский переклад с русского подобных писателей – пустой выстрел. Существуют, конечно, прекрасные переводы с русского на казахский (есть опыт, есть школа, есть кадры), достойные восхищения, но иностранные, иноязычные литераторы, переведенные определенно через русский, чаще всего – недоразумение во всех смыслах. Проблема очень серьезная. И мы, на мой взгляд, до такого эстетического и философского уровня просто-напросто не доросли. И не дорастем в ближайшие годы. Понадобится длительная подготовка. А пока что разумнее протягивать ножки по одежке и реально, адекватно относиться к своему интеллектуальному уровню. Амбиции наши чаще всего не соответствуют амуниции. И мы просто пускаем пыль в глаза. Обманываем самих себя, захламляя библиотеки изданиями, которые никто в руки не берет.

У НАС ВСЕ СТАБИЛЬНО

Гете в своем «*Dichtung und Wahrheit*» (книга четвертая) признается, что с детства имел привычку заучивать наизусть начало книг или отдельные части сочинения. Так он поступил и с Золотой буллой, выдав такую максиму: «Всякое государство, в котором царит несогласие, должно погибнуть, ибо князья его стали пособниками разбойников».

Фразу эту юный Гете произнес на латыни.

Я прочел эту сентенцию и подумал о Казахстане. Слава богу, что у нас все стабильно, несогласие не царит, хотя кое-кто из князей и снюхался с разбойниками всех мастей.

ОЙБАЙ-АЙ, ОЙБАЙ...

Казахи – весьма склонный к стихотворчеству народ. В аулах, помню, даже письма писали стихами. В годы войны с фронта приходили треугольнички в стихотворной форме. Их декламировали в аулах. Меня это особенно поражало. Едва ли не каждый второй казах сочиняет стихи. Словно мозги изначально запрограммированы на традиционную стихотворную форму – одиннадцатисложник с рифмой ААБА.

По-хорошему позавидуешь. Похвально, конечно. Но, с другой стороны, этот природный дар заметно разжижает подлинную поэзию, делая ее излишне водянистой, рыхлой, многословной. Стихотворцев развелось слишком много, и беда в том, что все считают себя акынами (в смысле поэтами), все норовят публиковаться, издавать книги, обрести признание и популярность и получить премии и ордена.

А это уже беда. Меня эти доморощенные акыны завалили своими опусами, изрядно достали. Издают за свой счет или на деньги спонсоров книгу за книгой и тотчас стучатся в двери Союза писателей. И что это за книги? Одиннадцатисложные традиционные изделия (типа:

«жүгіріп жетіп келдім Қоңқабайға») или семи-восьмисложники с перекрестными рифмами («мен сәлем жазамын қарағым қалқама») И все. Две машинки, которые запросто зарифмуют даже телефонный справочник. Будто не было Абая, Махамбета, Джамбула, Жансугурова, Аманжолова, Макатаева.

Поток сплошного однообразия. Очень уж водянистый шалап. Диваны с посвящениями юбилеям-тоям (стихи-чапаны), с семейными фотографиями («мой сын», «моя дочь», «моя супруга», «Я и Айтматов», «Я и аким области», «я и министр искусственного осеменения за одним дастарханом»), с претензиями на исключительность.

Ойбай-ай, ойбай! Тоска берет. Нет, радоваться этому невозможно. Уродство какое-то.

АКСЕЛЕУ

Был бы Акселеу Сейдимбеков жив, ему ныне (2012) исполнилось бы семьдесят лет. О нём – писателе, историке, этнографе, языковедце, фольклористе, домбристе-кюйши. эрудите, человеке незаурядном, обладателе разных талантов – пишут много. И я его знал в течение десятилетий. И о нём, и о его многогранном творчестве могу кое-что поведать. Однако ограничусь здесь лишь двумя штрихами к воспоминаниям о нём, о которых, полагаю, мало кто знает.

Мне он не однажды внушал: художественную прозу писать не стоит, эффективнее заниматься историко-философской публицистикой, этнографически-исследовательской эссеистикой. В наше время востребованы труды именно такого характера и направления. «Ну, хорошо, - убеждал он меня. - Сочините, скажем, роман о любви. Он и она. Опишете набившие оскомину банальные любовные перипетии. И на четырех – или пятисотой странице, наконец, он и она сольются в страсти на скирде сена в безлюдной степи. Ойхой, дүние! Тут и роману конец. И зачем это писать? Зачем читать? Надо писать о том, что обогащает ум и укрепляет Дух!»

Я не спорил. Тем более романов о любви не сочинял.

«Вы, Гереке, знаете Альфреда Вебера?» - спросил он как-то. «Веберов знаю косою десяткой, а Альфреда нет». «О, это был крупный ученый. Экономист. Социолог. Историк. Культуролог. Классик. Автор фундаментального исследования об истории культуры как социологии. Книга написана давно и на русский язык не переведена. В ней хорошо, одобрительно сказано о номадах, о культуре кочевых народов, о тенгрианстве, о доисламской Степи. Вот если бы Вы перевели эту часть или – еще лучше – всю книгу. Это было бы нечто достойное и полезное».

Незнакомым Альфредом Вебером Акселеу прожужжал все мои уши. Видно, он где-то что-то вычитал о нем. Тенгрианством и номадами Акселеу грезил всю жизнь. Он убежденно считал, что казахи доисламского периода были во всех отношениях колоритнее и могущественней.

Обратился я в Германское посольство, к знакомому культуратташе. Он навел справку, сделал запрос и месяцев через пять вручил мне толстенный (в 546 страниц) томище – переиздание «*Kulturgeschichte als Kultursoziologie*» (Marburg, Metropolis, 1997). Я долго листал-

вертел это капитальное исследование, вчитывался в предисловия разных «оқуы өтіп кеткен» гелертер, внюхивался в научный аппарат и громоздкий регистр имен и почувствовал, что эта глыба не по моим зубам. В восьми обстоятельных, трудоемких главах говорилось о культуре с сотворения времен, о предыстории, о примитивных ее зачатках, о древнем Египте, Вавилоне, Греции, Китае, Индии, о евреях и персах, об Италии, Руси, Сирии и сасанидах, об арабах, пророке Мухаммеде, об исламе, о разных странах, народах, цивилизациях, культурных пластах... господи, о чем только не писал ученый Альфред Вебер! И я подумал: сколько же понадобится сил, терпения и времени, чтобы все это одолеть и осмыслить?! Гегель и Кант, да и другие мудреные немецкие философы почудились мне по сравнению с Альфредом Вебером – просто айналайн. Э, нет, это все вне моих интересов. Моя бедная головушка не в состоянии вникнуть во все эти премудрости.

Я бегло перелистал весь фолиант, но ничего о тенгрианстве и о культуре номадов мне на глаза не попало. И я примерно понял, в каком, собственно, мире пребывает мой коллега Акселеу. Подобных сочинений он наверняка осмысленно прочел Монблан! Я в том убедился, когда с писателем Абдижамилем Нурпеисовым

посетил его квартиру. Какая библиотека, какой порядок, как все систематизировано, разложено по полкам и по папкам. Я диву давался! И почувствовал себя полным неучем перед моим младшим собратом.

Несомненно, Акселеу был уникалом. Энциклопедистом. Загадочной личностью.

А вот второй штрих к его портрету.

Будучи в Германии (1998 г.), мы десять дней не разлучались: жили в одних гостиницах, бродили по Бонну, Берлину, Дюссельдорфу, Кёльну, Франкфурту, Потсдаму, по другим опрятным городишкам, по магазинам и ярмаркам, бывали на разных официальных приемах, выступали с докладами в двух университетах, посетили музеи, выставки, могилу Мустафы Шокая, восхитились, удивились германскими достопримечательностями и ландшафтом, делились впечатлениями. Поразил Акселеу меня своим жадным, неумным интересом ко всему, что касалось истории, культуры, этнографии, литературы, архитектуры. Акселеу с Кекилбаевым при каждом удобном случае (особенно в пути) вели нескончаемые интеллектуальные беседы, к которым я с удовольствием прислушивался, испытывая радость и гордость за своих мудрейших казахских коллег.

В день перелета из Бонна в Берлин у меня, как всегда внезапно, начались почечные коли-

ки, и я пришел в ужас и отчаяние. Неужели загремлю на чужбине в больницу, отстану от делегации, выпаду из немецкой программы, окажусь в полной прострации?!

Поведал о своей беде Акселеу. Он посмотрел на меня сочувственно, что-то соображал. Потом неуверенно сказал: «Вообще-то у меня есть небольшая энергетика. Попытка не пытка. Попробую ее разбудить. Поглажу, помассирую Вам бок. Вдруг поможет, полегчает...»

Я улегся на диванчик прямо в холле гостиницы, задрал рубашку. Акселеу, как заправский баксы-шаман, долго и энергично потирал ладони, дул на них, шептал какие-то арабские слова-заклинания, зажмурился, сосредоточился, даже побледнел и приложил горячие, как огонь, ладони к моему воспалившемуся боку, начал гладить-растирать, массажировать, колдовать. И — о, боже! — минут через десять мне полегчало, боль приутихла, бок горел, я покрылся потом, как-то размягчился, обессилел, погрузился в дрему.

Так и добрался до Берлина и активно участвовал во всех мероприятиях нашей делегации. Акселеу в трудный для меня час по-знахарски спас меня, опекал, носил часть моей поклажи, и почка моя успокоилась надолго. Выходит, великий Тэнгри наградил Акселеу и таким даром.

Геральд Бельгер _____

Акселеу удивлял меня разными поступками и гранями уникального дарования. Он не был кабинетным ученым. Он знал жизнь. Он жил жизнью казахов, заповедавших ему свою вековую мудрость. Он был загадочным человеком. И смерть его загадочна. Все провидел, все расписал вплоть до одинокого холма, где покоится его прах.

Может, при случае расскажу и о других эпизодах наших встреч...

ОРАЛХАН

*В нем все было красиво
и одухотворенно*

В «ҚӘ» (12.09.12) опубликована проникновенная статья-воспоминание о последних днях Оралхана Бокеева. С Оралханом я, признаться, тесно не общался. Вероятно, сказалась разница в возрасте: я родился на десять лет раньше его. Но симпатичен он был мне всегда. Часто сталкивались в Союзе писателей, учтиво здоровались, обменивались шутливыми фразами. Он был склонен к безобидному казахскому юмору («Вчера я слышал ваше выступление по телевизору. Вы читали отрывок из «Фауста» в переводе Медеубая: «Қайда барсам жабығамын, жабығамын, жабығам...»). Последнее послышалось мне как «жабық а...»).

Человек был на редкость приятный: стройный, выше среднего роста, поджарый, с пышной шевелюрой, смуглолицый, всегда изысканно опрятный, хорошо, со вкусом экипированный («как денди лондонский одет»), подтянутый, броский, общительный, но, в то же время, углубленный в себя, погруженный в думы, отстраненный, насмешливый и загадочный. Он будто

пришел откуда-то со стороны. Не общего поля ягода. Казахи говорят: пшеничный колосок на ячменном поле. Речь была быстрая, легкая, складная. Мыслил четко, ясно. И в нем, и в его произведениях было что-то возвышенное, романтическое, горделиво-одинокое.

Мне было едва за пятьдесят, когда меня включили в какую-то аксакальскую комиссию при ЦК КПК. Оралхана это забавляло: «Тоже нашлись мне аксакалы: Бельгер и Хан-Дин!».

Как-то мы беседовали, сидя рядом в громоздких, продавленных креслах в фойе Союза писателей. К слову, я пожаловался на свои недуги, и вдруг Оралхан разоткровенничался и стал рассказывать о своих болячках. Сроду не подумал бы, что здоровьем он не силен, впечатление производил отменное, а, оказалось, что у него в таком-то цветущем возрасте целый букет хворей: и слабость, и давление, и сердце, и легкие, и почки, и боязнь врачей, больницы. Он даже не состоял, будучи лауреатом и членом Правления СПК, на учете в поликлинике Совета Министров. Не проходил медосмотров, не сдавал анализы, никому никогда не жаловался. Я не видел, чтобы он бражничал с друзьями-приятелями в веселом и шумном баре Союза писателей. Держался он гордо, замкнуто и независимо. А передо мной вдруг раскрылся, как

перед случайным спутником или как перед человеком иного рода-племени.

Гордился своим творчеством, радовался, что его переводит на русский язык Анатолий Ким, что издают его в Москве, что за один год дважды печатался в солидном журнале «Дружба народов».

В нем все было красиво и одухотворенно.

Умер он от обширного инфаркта в Индии. Панихида состоялась в драматическом театре для детей и юношества. Кажется, тело его было бальзамировано. В гробу он лежал белый, белый, будто мраморный. Было это в мае 1993 года.

Прошло 20 лет. Оралхана помнят, любят и произведения его читают.

...Он был продуктивным журналистом, прозаиком, драматургом. Сверстники его отдали дань богеме, любили изображать из себя эдаких «сері» и «салов», талантливых баловней судьбы. Оралхан тоже походил на удачливое любимчика-щеголя. Но он отличался редким трудолюбием и четкой творческой направленностью. Он постоянно, как я помню, работал в газетах, писал романы, повести, рассказы, очерки, являлся автором десятка пьес, прожил свою короткую жизнь, полную житейских бурь и драматизма, неурядиц и лишений, бурно и целенаправленно.

Чем же его творчество привлекало внимание?

На мой взгляд, ярко выраженным национальным духом и ментальностью, романтическим восприятием жизни, сочным колоритом возвышенного речестроя, одухотворенной грустью, светлой печалью, широким диапазоном художественного видения, неподдельной чувственностью, запахом родного края – Алтайских гор и степей. Он обогатил казахскую прозу свежими красками и недюжинными людскими судьбами.

Так я воспринимал Оралхана тогда.

Так воспринимаю его и поныне, радуясь тому, что я его знавал при жизни, гордясь тем, что он, спустя двадцать лет после кончины, остается любимым писателем все менее – увы! – читающей казахской молодежи.

ГЕН ПАССИОНАРНОСТИ?

Всвязи со 100-летием со дня рождения Льва Николаевича Гумилева много пишут в печати о пассионарности. Гумилев в Казахстане одно время был очень популярен. Каждый просвещенный казах штудировал (или делал вид, что штудирует) его книги и становился горячим поклонником его теории. Он всколыхнул и взбудоражил весь тюркский мир. Заставил уверовать его в свою пассионарность. Я лично недостаточно глубоко его понимаю, хотя уникальный мир тюрков мне близок и симпатичен. Настораживало меня только то, что многие историки и этнологи (главным образом, русские и евреи) относились к нему и к его писаниям, мягко говоря, сдержанно. Мол, недостаточно научен, все больше популяризатор, однокбок, по его книгам, дескать, знать историю невозможно, его-де можно читать, и понять, вооружившись сперва знанием объективной истории и т.д. Я не имел возможность вникать в суть его учения. Грела лишь его очевидная благосклонность к культуре номадов. И то, что твердили мне доморощенные ученые (филоло-

ги, историки, этнологи, этнографы), меня мало убеждало, а покойный друг Морис Симашко, большой знаток истории Средней Азии и культуры Востока, вообще с большим сомнением относился к некоторым историческим установкам Льва Николаевича. Судить о том (особенно о хазарах) я никак не компетентен. Однако иные толкования евразийства нашими политиками и государственными мужами мне кажутся весьма конъюнктурными и поверхностными.

Знающие люди внушают мне, что пассионарность – это мера потенциальных возможностей этноса, эффект избытка биохимической энергии живого существа, порождающий жертвенность, определяющий способность к сверхнапряжению (см. «ЛГ», № 38, 2012 г.).

Если исходить из такого определения, то, на мой взгляд, о пассионарности, скажем, русских и – особенно – российских немцев и речи быть не может. Какие потенциальные возможности, какая биохимическая энергия или способность к сверхнапряжению? Ничего этого я не вижу. А вот у казахов некие элементы пассионарности можно разглядеть, хотя и они (особливо с объявлением независимости и тотальной, разбойничьей коррупцией) катастрофически быстро тают и улетучиваются. Представления казахов

О, казахи мои!..

о пассионарности этноса кажутся мне весьма зыбкими. Они хороши для самоутешения, для удовлетворения тайного тщеславия. А что такое ген пассионарности? И вообще научна ли теория пассионарности?

Бог весть...

КТО ЕЩЕ НЕ ПИСАЛ ПРО ЧИНГИСХАНА?

Уже несколько лет, уединившись в Праге, видный казахский писатель Мухтар Магауин увлеченно работает над трилогией (или тетралогией?) о Чингисхане. Судя по всему, он проделал огромную подготовительную работу, изучив и осмыслив Монблан литературы и уникальных источников на эту тему. Я прилично знаю творчество Магауина, имею в домашней библиотеке около двадцати его книг, которые охотно читаю и перечитываю, высокого мнения о его даре историка и прозаика, публициста и литературоведа, о чем даже довелось писать, а вот его новый труд о Чингисхане пока еще не читал. Мне рассказывали, что первый том целиком посвящен анализу литературных и исторических школ и течений о всемирной личности монгольского завоевателя-полководца, реформатора и государственного строителя.

О Чингисхане я наверняка прочел книг двадцать-тридцать – от Яна, Чивилихина, Калашникова, Кара-Дабана до Кекилбаева, Дос-жанова, Адибаева, Айтматова, Шаханова, Мухаммед-Халела и других.

Теперь узнаю, что бурятский писатель Алексей Гатапов издал роман в двух книгах под названием «Тэмуджин» (М., «Художественная литература», 2012, 712 стр., 1000 экз.). Речь в этом романе идет об отрочестве Чингисхана, о зарождении личности, о предательстве и чувстве Родины. Если писатель написал два тома об отрочестве Чингисхана, то можно предположить, что он задумал целый цикл романов о нем.

Читать Гатапова я, скорее всего, уже не буду (дай Бог времени и силы одолеть Магауина), ибо отравлен Чингисханом, как, к слову, и Сталиным. Уже невмоготу, уже сыт по горло...

О ЧЕМ ДУМАЕТСЯ В НЕНАСТНЫЕ ОСЕННИЕ ДНИ

Если бы при нынешнем моем житейском опыте мне было, скажем, пятьдесят, я написал бы толстенную книгу о казахах. Описал бы, пропустив, через сердце и душу, все-все, что я за свою жизнь узнал-вызнал-познал о своеобразном народе. Конкретно о чем бы поведал? Немного об истории, чуть больше об этнографии, мировоззрении и мировосприятии, о духоустройстве, о быте, нравах, обычаях, пристрастиях, музыке, песнях, более пространно — с примерами из жизни — о языке, фольклоре, образном и ярком речестрое, о поэтической мощи и выразительности, мудрости пословиц, поговорок, фразеологизмов, об отношении к добру и злу, о приметах и запретах, о сложных родственных отношениях, о гостеприимстве, широте души, благородстве, о традициях, заповеданных предками, о некоторых причудах национального характера, о верности национальным ценностям, о святости прошлого и вере в будущее, об оптимистическом настрое и глубоком понимании-осознании обманчивости бытия, временного существования на земле, о

том, что честь и достоинство для казаха превыше всего, и о многом-многом другом, что не передается перечислению и о чем знаю не понаслышке, живя в гуще казахов более семидесяти лет, что видел, слышал, наблюдал, испытал, прочувствовал, осознал, осмыслил.

Разумеется, известны мне и «темные», негативные стороны психического уклада казахов, о которых я позволяю себе иногда писать. И ни один казах не обижается на меня, ибо все чувствуют, что не клеветшу, не злорадствую, не ерничаю, а говорю с доброй душой и открытым сердцем, любя и любясь. (К тому же об изъянах национального характера с болью исчерпывающе поведал миру мудрец-хаким Абай).

Да, если бы... Она стала бы, вероятно, лучшей моей книгой. Утешением служит то, что фрагменты этой ненаписанной книги в разных формах вошли в мои романы, повести, рассказы и публицистический цикл под названием «Плетение чепухи». В них, думаю, можно обнаружить немало проникновенного, искреннего и исповедального о казахах, поведенного и увиденного глазами этнического немца. На сегодняшний день (25.10.12) я написал двадцать условных тетрадей «Чепухи», что составляет две тысячи страниц. Может быть, эти вольные записи (по-немецки *Lose Blätter*) со временем

увидят свет в форме двух-трех-четырёх увесистых томов. И тогда, подумалось мне сегодня ночью, можно б было собрать в один том все «казахские записи» и озаглавить их либо «О, казахи мои!..» (строчка Олжаса С.), либо «Казахские арабески». А поскольку у меня есть книги «Казахское слово», «Казахская тетрадь», то с книгой с этими публицистическими записями состоялась бы своеобразная трилогия. И она стала бы как раз тем, что в вожделенной книге на тему «казахи» я концептуально так и не создал.

Кто знает, если Судьба уготовила мне здоровье и жизнь, я, возможно, издам свои «Плетенья» под названием «Вольные строки» (под этим именем уже изданы восемь тетрадей цикла). «Избранная чепуха» (название, придуманное журналом «Аманат»), «Казахские арабески».

Вот было бы здорово! Мне чудится, что эти книги были бы востребованы.

Е-е... о чем только не думается в ненастные осенние ночи...

КАЗАХСКИЙ ЯЗЫК СОЗДАН ДЛЯ ВЫСОКОЙ ПОЭЗИИ

У казахов во все времена было много выдающихся поэтов. Сам казахский язык создан для высокой поэзии. Я о том говорил и писал не раз. Тем не менее, нынешняя казахская поэзия чудится мне в подавляющем большинстве однообразной, застойной, безликой, будто достигла неких вершин и на этом остановилась, или взяла тайм-аут. То есть нет гор, нет утесов, пиков, а есть холмы, сопки, бугорки в плоской, ровной степи. Может, мои ощущения неверны?

В чем дело? Гете в «Поэзии и правде» говорит: «Любая национальная поэзия пуста и неминуемо будет пустой, если она не зиждется на самом важном — на великих событиях в жизни народов и их пастырей, когда все, как один человек, стоят за общее дело».

Может, это «самое важное» и незаметно ускользнуло от современной казахской поэзии? Может, просто нет того «общего дела», за которое все стоят, как один человек? Может, пресловутые годы независимости не стимулируют казахскую поэзию на прорыв?

Стихотворцев, убеждаюсь, очень много: казахские газеты и журналы изобилуют стихот-

ворными подборками. Я их читаю в рубриках газет, журналов, и мне кажется, что они все на одно лицо, как казахская эстрада, все акыны строчат по одному шаблону, а «цепляют» только Иран-Гаип, Темирхан, покойный Кадыр. Отдельные строки, строфы картину не меняют. Или не так?

Каким критерием воспользоваться в таких случаях? От какой печки танцевать?

Опять-таки советует Гете: «...значение человека не сводится к тому, что он после себя оставил, а заключается главным образом в том, как он действовал прижизненно и на что откликался, а также в том, пробудил ли он в своих современниках потребность действовать и отдаваться новым веяньям».

С этой точки зрения я вижу в современной казахской поэзии немало изъянов.

«ТЕМПЕРАМЕНТ» АУБАКИРА

Поэт, переводчик, библиофил, любитель философии Аубакир Нилибаев (1928) написал объемную книгу под названием «Темперамент», а популярный издатель Мереке (Кулкенев) изящно издал ее на исходе 2012 года. Без малого 600-страничная книга состоит из трех больших разделов – о философском познании мировой цивилизации и проблемах обновления мира, об этапах развития этики, о неразъемном единстве поэзии и философии, о вершинах поэтического и философского Духа. В одном разделе идет пространная и весьма доступная для понимания речь об истоках познания, философского осмысления общественных и социальных явлений, об этнических гранях стыда и совести, о разных философских категориях постижения и осмысления мира; в другом автор рассуждает об этике в древнем Египте, Индии, Китае, Японии, античной Греции, говорит об этике в учениях Сократа и Платона, Аристотеля, Пифагора, Гете, Шелли, Уитмена, Толстого; в третьем рассматривает казахстанскую поэзию – древнюю и современную, устную и письменную – в тесном контакте с националь-

ным мировоззрением, с философией номадов; в книге встречаются лапидарные зарисовки о духовном созвучии Абая с Сократом и Аристотелем, Абая с Абунасроом Фараби, Абая с Ибн Синой, Абая с Гете и Толстым. На страницах книги то обстоятельно, то вскользь упоминаются многие весьма известные имена, оставившие неугасимый свет в мировом Духе.

Книга написана на добротном, выразительном и очень доступном казахском языке. И значительность ее, на мой взгляд, заключается именно в этом: о высоких материях казах рассказал увлекательно и увлеченно на казахском языке. В познавательности и масштабности, популяризаторском пафосе, в желании охватить сложнейшие проблемы бытия в его философском осмыслении книге Аубакира не откажешь. Видно, что автор, не будучи философом, как поэт, переводчик, прилежный и искушенный книголюбитель горы умных книг, хотел честно и ясно поделиться своими познаниями с единокровниками. В этом суть данной книги. И я такого четкого и поучительного повествования о философии и философских категориях в казахской литературе доселе не встречал.

Правда, сознаюсь, я лично обо всем этом за свою немалую жизнь достаточно много читал на русском и немецком языках. И, читая казах-

ский текст, примерно догадывался, откуда, что взято автором для переложения на языке родной степи. Немало открытий я почерпнул из казахского изложения по части индийской философии и литературы. Именно в этой части автор – лауреат ряда индийских и пакистанских премий, переводчик индийской классики – особенно сведущ и силен.

Впечатляет библиография, приложенная к книге. Автор перелопатил огромный пласт серьезной литературы – Платон, Аристотель, Лао-Цзы, Конфуций, Декарт, Линней, Кант, Гегель, аль-Фараби, Тайлор, Фрезер, Бэкон, Хайдеггер, Гете, Толстой, Ортега-и-Гассет, Радлов, Конрад, Абай, Эйнштейн... ограничусь лишь некоторыми «громкими» именами. Автор приводит список из 109 трудов. Это свидетельствует о масштабности книги Аубакира Нилибаева.

Автор излагает свои суждения в форме рассказа, в тональности доверительной беседы с читателем. Он призывает к со-размышлению, к со-беседе, к со-познанию, открыто делится своими знаниями, соображениями, наблюдениями, приводит любопытные факты, почерпнутые из литературных, исторических, философских, литературоведческих источников, то и дело обращается к казахскому фольклору, к степной мудрости, к цитатам из дастанов, к примерам

из поэтических творений казахских акынов. Он хочет быть доступным, он увлекает читателя, а не отталкивает любомудрыми, туманными рассуждениями. Именно этому принципу подчинена и композиция книги. Раздел «Поэзия и философия» мне показался особенно актуальным. И многие наблюдения и заключения автора кажутся мне убедительными. Я, смею полагать, довольно опытный читатель. Прилежно и систематически читаю более семидесяти лет. И начитанность моего коллеги вызывает во мне уважение и симпатию. Книгу его «Темперамент» (название, кстати, считаю не совсем оправданным) прочитал с интересом и пользой. И хотел бы, чтобы с ней ознакомились как можно больше казахов. Собственно, ради этого я и пишу эти строки.

КРИТИК КУЛБЕК

Шутка ли: в казахской литературе я возвращаюсь уже полвека, если вести счет с октября 1963 года, когда меня, только что окончившего аспирантуру при КазПИ им. Абая, Абдижамил Нурпеисов определил литсотрудником отдела прозы в казахском литературном журнале «Жулдыз». И вот с тех пор, сколько себя помню, в кругах пишущей братии всегда было принято сетовать на литературную критику. Дескать, отсталая, беззубая, комплементарная, малахольная. А ведь бывали разные этапы. Бывали годы, когда в ней активно функционировали два десятка профессиональных литературных критиков. Ныне критическое поле в казахской (и шире: казахстанской) литературе заметно оскудело. «Чистых» литкритиков можно в настоящее время пересчитать по пальцам.

Один из них – несомненно, Кулбек Ергобек, автор двух (или больше?) десятков сборников и монографий и более тысячи опубликованных в периодической печати статей.

Я за его творчеством давно слежу, писал о нем, не однажды встречался, беседовал, мне по душе в нем родственные мне черты-склонности

к собирательству, пристрастие к архиву и рукописям, уважительное отношение ко всему написанному, стремление все записывать, фиксировать в дневниках, записных книжках, умение сочетать живую мемуаристику с аналитической критикой. Поэтому его и читать любопытно, интересно и познавательно. Он подкупает своей искренностью, исповедальностью, благосклонностью, доброжелательностью.

И что особенно важно – честностью и принципиальностью.

Он поразительно много успевает: много читает, пишет, служит в высоких общественных, научных, политических и педагогических сферах. Он обладает культурой труда, системным подходом к исследованию – качеством, которое особенно ценил и внушал молодым коллегам незабвенный Мухтар Омарханович Ауэзов. Кулбека любят, к нему прислушиваются, с ним считаются, его привлекали к себе, как помощника, как литературного агента, как надежного братишку, как сына, уникальные личности – литературовед-наставник Б. Кенжебаев, поэты А. Тажибаев и К. Шангитбаев. И лучшие труды Кулбека, согретые душевной теплотой, сыновним тактом и щедростью, написаны о них.

Недавно, в декабре 2012 года, он прислал мне свою новую книгу, солидный том в тридцать

печатных листов (Алматы, «Ел-шежіре», 2012, 576 страниц) под названием «Өлеңсөз». Звучит немного неожиданно, по-русски оно близко к понятию «Стихотворное слово», а точнее я бы сказал также неожиданно «Стихослово».

В книгу вошли 65 статей, всецело посвященных казахским поэтам и поэзии. И хотя мой аул расположился несколько на отшибе от казахской поэзии, я книгу Кулбека внимательно проштудировал, с особенным пристрастием те статьи и эссе-мемуары, в которых речь идет о поэтах, которых я знаю и знавал давно и прочно.

Книгу предваряют две «напутные» (В.Даль) заметы – Абиша Кекилбаева и профессора-наставника Бейсенбая Кенжебаева, написанные еще в 1981 году. Последний подчеркивает два достойных качества своего любимого ученика-шакирда: он, дескать, не раболепствует, не склоняется ни перед каким «авторитетом», честен, открыт и справедлив в своих литературных суждениях.

С этим, надеюсь, никто не спорит.

Все работы Кулбека, включенные в эту книгу, сгруппированы вокруг двух разделов – «Индивидуальность таланта» и «Новаторство жанра».

Я, понятно, вовсе не намерен говорить здесь обо всех статьях, этюдах, воспоминаниях, очерках, заметках, отзывах о творчестве поэтов, на-

шедших место в «Стихослове» Кулбека. В мою задачу это не входит. Разумнее почитать саму книгу. Критическая палитра Кулбека весьма разнообразна, богата и широка. Он рецензирует, анализирует поэтические сборники С. Мауленова, М. Алимбаева, А. Шамкенова, А. Дюсембиева, К. Идрисова, С. Асанова, К. Мырзалиева, Б. Абдразакова, Т. Бердиярова, Т. Медетбекова: обстоятельно повествует о поэтическом даре и наследии казахских классиков, о С. Донентаеве, С.М. Торайгирове, Б. Изтуллине, С. Ерубаете, М. Хакимжановой; а также о мало известных и полузабытых на поэтическом небосклоне поэтах Г. Балакадырулы, З. Калауовой и многих-многих других. Не стану перечислять всех поэтов, о которых ведет речь в этой книге Кулбек. Посвятив дотошному критическому анализу казахской поэзии целую книгу, он охватил почти все стихотворное слово конца XIX - начала XXI веков.

Еще раз подчеркну: все эти тексты, сотворенные Кулбеком за последние тридцать лет, отличаются живым рассказом с элементами мемуаристики, личных впечатлений от тесных творческих и житейских контактов, дневниковых записей фрагментов бесед на фоне общего литературного процесса с точным выделением, подчеркиванием основных творческих граней анализируемой личности.

Я ведь знаю творчество большинства субъектов этой книги, со многими был знаком или знаком и поныне, поэтому читал Кулбека с неослабевающим интересом, обнаруживая созвучия в наших представлениях.

Достоинств в книге Кулбека я узрел немало. И труд его оцениваю высоко, разделяю пафос его суждений.

Несколько объемных работ в этой книге мне особенно запомнились. Это широкоохватные статьи-эссе о Бейсенбае Кенжебаеве, Абдильде Тажибаеве, Куандыке Шангитбаеве.

Чем примечательны эти литературные портреты?

Отмечу пунктиром: живым слогом, достоверной обстановкой, в которой происходят события, словесной характеристикой участников беседы, запоминающимися монологами и диалогами, дискуссионной атмосферой, динамизмом, меткой литературной иллюстрацией, сопровождающей разговоры, интеллектуальным накалом, кругозором анализа, доскональным знанием жизненного и творческого пути героев, доброжелательной тональностью повествования, сочувствием и любовью к объекту, тактом и деликатностью младшего по возрасту автора по отношению к более старшим и именитым коллегам. И еще многим другим. Дискуссия о

поэзии между старым и многомудрым литературоведом (профессором Кенжебаевым) и маститым, независимым, самобытным поэтом и блистательным переводчиком Омара Хайяма и Пушкина (Куандыком Шангитбаевым), поданная с уместными литературными вкраплениями и репликами молодого доктора филологии (Кулбека Ергобека), читается как увлекательная и познавательная повесть.

А монографическая статья-исследование о жизненном и творческом пути поэта-долгожителя, поэта, по его же словам, сотворенного огнем, Абдильды Тажибаева привлекает доскональным знанием автора драматической судьбы многогранного литератора, прошедшего через испытания сложного XX века со всеми взлетами и падениями, политическими и социальными коллизиями.

Я был знаком с колоритным Абеке, делал подстрочные переводы его стихов, составил его книгу «Былое», бывал у него дома, в просторном кабинете на втором этаже, на даче, не однажды беседовал с ним, слушал его выступления в Союзе писателей и Академии наук, помню его торжественные и многолюдные юбилеи, его взрывной темперамент, увлеченность, азартную натуру, и должен сказать, что все эти грани незаурядной, самобытной лич-

ности Кулбек воспроизвел достоверно, живо и грациозно.

Эти две работы, о которых говорю выше, — крупная удача критика.

Находясь многие годы рядом с Б. Кенжебаевым и А. Тажибаевым, Кулбек чувствовал себя Эккерманом при Гете и тщательно фиксировал все беседы с ними, записывая их по горячим следам в дневник. Из этих записей и родились волнительные воспоминания, вплетенные в до-тошный анализ их творчества и лаборатории.

Обогатили и взволновали меня проникновенные статьи о С. Мауленове, Т. Бердиярове, трагических женских судьбах А. Оразбаевой, З. Калауовой, М. Хакимжановой.

Книга Кулбека Ергобека — своеобразный памятник казахской поэзии. Я ее рекомендую всем любителям изящной словесности.

Где и кем только не работал мой мобильный давний знакомец Кулбек! Ныне он вице-президент Международного казахско-турецкого университета им. К.А. Яссави в Туркестане. Докторскую диссертацию он защитил в 44 года. Обладает столькими талантами, что я их здесь просто не перечислю. Он мне часто звонит, бывает у меня. Для меня он так и остается милым, деликатным, учтивым молодым человеком. Между тем, недавно только узнал, что он уже

Геральд Бельгер _____

тихо, незаметно взобрался на холм шестидесятилетия. Диву даешься, когда он успел! Долголетия и новых свершений ему.

18 декабря 2012 г.

ЖДЕМ-С

Я все стараюсь предугадать основное направление казахской литературы в настоящее время. И мне никак не удастся провидеть его. А, может, его, направления-то, и нету? На мой взгляд, за годы независимости (очень, кстати, условное понятие) казахская литература так и не обрела четкого очертания. В 70-80-ые годы прошлого века она была, как мне видится, направлена на ясные цели: на историческое самосознание, на большие национальные надежды, на свободолобивые мотивы, на гражданские порывы, на поиски своего национального пути, на осуществление вековых чаяний. Это проглядывалось в исторических и остросоциальных романах, в широкоохватных, многоплановых эпопеях, в поэмах-дастанах, осмыслявших прошлое и настоящее казахов, в желании пробудить сознание подавленных и угнетенных. Вспомним произведения Кекилбаева, Магауина, Жумадилова, Есенберлина, Нурпеисова, Ахтанова. Алимжанова, Дж. Мулдагалиева, К. Мурзалиева, О. Сулейменова, Досжанова и других. С достижением основной цели – независимости страны – явно обозначился спад, некоторая рас-

терянность, разброд, едва ли не застой. Оскудел исторический роман с опостылевшими ханами, беками, биями, батырами, мифическими ристалищами с джунгарами, надуманными коллизиями; поблек социальный роман, докатившись до «Ак Орды» Дукенбая и «Двадцатый век» Сабита, до убогих и пустозвонных од профессиональных аллилуйщиков-жарапазаншы. Затянулась эта темная (или серая?) полоса. Дошла до того, что госпремии давать некому и не за что. Наступила фаза обскурации (затухания, понижения) по терминологии Льва Гумилева.

На что следует (или можно) делать ставку в будущем? На осмысление и художественное отражение современного казахского бытия. То есть, в первую очередь, на социальный-философский роман.

Генрих Манн на заре XX века писал: «В двадцатипятилетнем возрасте я сказал себе: необходимо писать социальные романы о современности. Немецкое общество не знает самого себя. Оно распадается на незнакомые друг другу слои, а правящий класс кажется скрытым в облаках».

Ну, не о нашем ли современном обществе это сказано?

Значит, что нужно современной казахской литературе? Социально-политический роман!

О. казахи мои!..

Вот на него пока что редко кто замахивается. Но, чудится мне, он вот-вот наберет силу. Общество наше достаточно сложно, и оно, как никогда, нуждается в остром и объективном социально-политическом анализе и философском осмыслении.

Ждем-с...

КАЗАХ-СТИХОТВОРЕЦ

Стихи захлестнули казахскую печать. Ничего против не имею. Казах – стихотворец. Душа его соткана из стихов. В рифмованных строках казах привык выражать себя. Плохо только то, что в подавляющем большинстве вся эта продукция к поэзии отношения не имеет. Но подписывают: акын, акын, акын. Страна чиновников и акынов.

Акын – это кто? Это лев! Арыстан! Мощный, грозный, внушительный. От его рыка степь дрожит.

А наши акыны твякают, брешут, скулят, захлебываются, хозяину служат, хвостами виляют, чье-то добро истово охраняют. Какие же это львы?! Собаки шелудивые, трусливые, подворотные, на цепях сидящие, старую кость грызущие или по аулу бредущие, поджав хвост в репейниках.

Конечно, и собаки нужны. И волкодавы, и гончие, и болонки. Но они не львы, не акыны, которыми себя мнят и именуют.

Казахстану нужен трудовой человек, гражданин. Который дело знает и умеет. А у нас в упряжке акимы и акыны. Далеко ли ускачешь? До программы 2050 никак не добредешь...

МОЕ СЧАСТЬЕ

Вы спрашиваете меня про Сабита Муканова? Имя его гремело по всей казахской степи еще в тридцатых годах прошлого века. Я же впервые услышал это имя, когда учился в третьем или четвертом классе аульной школы. Популярностью он пользовался бешеной. В аулах Приишимья он был у всех на устах. По невежеству и наивности моим он казался мне тогда едва ли не единственным и главным писателем Казахстана. Это ныне о нем рассказывается всякое. Конечно, он был продуктом своей эпохи. Истинно классовым сардаром. Но надо признаться: личностью он был незаурядной, самобытной, уникальной, шумливой, амбициозной, задиристой. Я его знал при жизни. Многократно слушал. Встречался. Даже общался изредка. Кумиром моим он никогда не был. Но вытравить его из сознания казахов невозможно и несправедливо. Правда, я не представляю нынешних казахов, читающих Сабита Муканова.

...А вообще-то я могу быть благодарен судьбе: я ведь видел и в разной степени знал Ауэзова, Муканова, Мусрепова, Мустафина, Х.Есенжанова, А. Жубанова. М. Габдуллина, Сатпаева,

Геральд Бельгер _____

Маргулана, Х. Жумалиева, А. Сарсенова, Т. Жарокова, Г. Ахмедова, Б. Момышулы, А. Алимжанова, К. Мухамеджанова, Т. Ахтанова, К. Шангитбаева и многих других выдающихся казахов.

Добавьте сюда памятные имена русских, евреев, немцев, татар, уйгуров... О, эти достойные аруахи сопровождают меня и поныне. Вот оно, мое счастье!

ЖАРАСБАЙ, ВНУК НУРКАНА

Он был из аула Коктерек, в семи километрах от села, куда нашу семью с Волги депортировали в сентябре 1941 года.

В Коктереке я бывал не раз. Аул как аул. Но раскинулся он на живописном месте. Рядом Есиль-река, озеро, березовые колки, тальник, ковыльный простор. В этом ауле проживали братья-кузнецы Омар и Коспан, их сын, мой кореш, Ыбжан (Ибрагим), дедушка Нуркан-поштабай – скромный, деликатный, добрый аташка, русское семейство Шаловы (корень не казахский «шал», а русский «шалый»), сын которых – Анатолий Федорович – став вторым секретарем ЦК комсомола Казахстана, определил мою судьбу: помог мне, беспаспортному спецпереселенцу, находившемуся под комендантским надзором, поступить в числе первых пяти соплеменников в КазПИ им. Абая.

Из тихого Коктерека вышло немало достойных азаматов – учителей, литераторов, ученых, видных деятелей и даже один генерал.

С этим аулом связывают меня многие добрые воспоминания. Как и с другими приесильскими аулами, которые обслуживал фельдшер-акушер

Карл Бельгер, мой отец – Жанажол, Жанаталап, Өрнек, Мектеп, Каратал, Алқа-ағаш, Карачок, Козловка.

Из этого аула – Коктерек – вышел и он, мой младший друг и коллега, одношкольник, будущий поэт Жарасбай Нуркан.

Был он на два с половиной года младше меня (в детстве разница ощутимая), и поэтому я познакомился с ним, когда он, окончив местную начальную школу, переехал в наш аул продолжать учебу в средней казахской школе.

Учился он старательно, отлично, вместе со своим другом-одноклассником Ермеком Конарбаевым (будущим талантливым прозаиком, к сожалению, рано умершим) заметно выделялся среди сверстников, был любознателен, участвовал в школьной самодеятельности, читал толстые книги, а в старших классах сочинял стихи.

Далее жизнь пошла по знакомой стезе. С блеском окончил школу, затем – университет в Алматы, вернулся в аул, учительствовал, женился, перебрался в Акмолу, работал журналистом, писал, переехал в Алматы, сотрудничал в издательстве «Жазушы», в газетах, печатался, издавал книжки, стал членом Союза писателей. Жил, как говорят казахи, не лучше других, не хуже иных.

И все же жизнь не сложилась так, как хотелось, как задумывалось. Преследовали житей-

ские проблемы, нелады с работой, сложные отношения с пищущей братией, отсутствие моральной и материальной поддержки, подспудные интриги, психологические комплексы, ранние недуги, творческая замкнутость.

Убежден: он был талантлив от природы, образован, начитан, но потенциально так и не раскрылся.

В чем причина? Может, сиротское детство (рано лишился матери), жизнь в чуждой семье отца, чувство неприкаянности, лишения, болезни? Не могу судить. Но с болью чувствую: человек не смог реализовать природных задатков в полной мере.

А поэт был крепкий. Талант, филологически отшлифованный. Душа возвышенная. Чувство реальности отменное. Сердце чуткое. Всеми формами версификации владел изощренно. О том ярко свидетельствуют и две его книги – «Қызылжар» (2012) и «Көкжиек» (2013), с любовью и тщанием составленные и изданные его настойчивой и активной вдовой Казиной Нуркановой.

Что составляет содержание этих книг? Стихи и поэмы, дастаны, поэтические посвящения известным личностям (С. Сейфуллин, Г. Мусрепов, М. Ауэзов, Г. Мустафин, М. Хакимжанова, Б. Момышулы, Р. Кошкарбаев, Н. Тлендиев,

М. Козыбаев и др.), стихи для детей, эпиграммы, шутки, стихотворные шаржи, переводы (из Есенина, Некрасова, Фета), айтыс (с А. Нуртазиным), даже одноактная юмористическая пьеса.

О чем он главным образом писал?

О любви к родному краю, к отчей земле, к материнскому языку, к Казахстану и к его славным людям, о любви к черноглазым чаровницам, к природе, к прошлому и настоящему, о благородстве, возвышенных человеческих чувствах, о чести и достоинстве, о смешных житейских случаях, об изъянах-слабостях человеческой натуры, о доблести, храбрости, воле к свободе своих предков, о горестных и радостных зигзагах человеческой судьбы. Словом, известные мотивы вечной поэзии. Но обо всем этом он сумел сказать свежо, по-своему, не банально, не ординарно, не общо-декларативно. Все, о чем он писал, пропущено через неподдельное, искреннее, душевное восприятие.

О чем он мечтал?

*Бар өмірім өлеңмен өтсе менің,
Туған елді жырлауға жетсе лебім...*

С особенной любовью он воспевал красоту родного аула «Көктерек»:

*О, меніңкөкорайлы Көктерегім,
Жаһанда өзіңдей жер жоқ дер едім.
Арада айтар өтіп, оратған соң,
Кеудеме сағынышым көп қой менің.*

Его стихотворение «Қызылжар» звучит как гимн родного края, как ода лесостепным просторам северного Казахстана.

*Атың сенің етге мәлім,
Естіген жұрт қызығар.
Сен дегенде менің әнім
Үзілмейді, Қызылжар!
О. Қызылжар, Қызылжар!*

Я пишу не литературоведческую статью о творчестве поэта Жарасбая Нуркана, а всего лишь краткое представление о нем, ибо знаю, что русскому читателю он, к сожалению, почти не знаком, да и казахские читатели в суете повседневной торопливой жизни заметно удалились от него. Ведь у казахов недостатка в поэтах никогда не было.

Отмечу здесь еще его переводческий дар. Напомню начало известнейшего стихотворения С. Есенина «Шаганэ ты моя, Шаганэ!..»:

*Шаганэ ты моя, Шаганэ!..
Потому что я с Севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,*

*Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.*

Вот как по-казахски озвучил-переложил эти строки Жарасбай:

*Шаганэм сен менің, Шаганэ.
Теріскейден болған соң ба, немене.
Дата жайын жсыр етүге мен дайын.
Ай туганда толықсыған бидайын.
Шаганэ сен менің, Шаганэ.*

Очень милый, проникновенный, на мой взгляд, перевод. Не помню, переводили ли на русский язык самого Жарасбая. Кажется, он о том и не заботился. Для него важно было самовыражаться по-казахски. В книгу «Қызылжар» Қазина включила несколько стихов поэта в переводе Владимира Гундарева. Завершаю свою заметку двумя строфами из стихотворения «Моя любовь» в его переложении. Оно отражает смысловую суть поэзии Жарасбая.

*Все боли века – в сердце у меня,
Несу упорно тяжкий груз поэта.
И в этом я не берегу себя,
Любовь отныне прославляю я.*

*Любовь – к тебе, казахский мой народ,
И по-казахски я стихи слагаю,
В них воплощая суть твоих забот
И счастье достигаемых высот.*

...Он умер в Астане на рассвете майским днем в 2011 году, когда спешно собирался в скорбный «Алжир», дабы воздать поэтическую дань памяти невинным жертвам советского концлагеря.

Такова судьба поэта.

Похоронили его в родном «Коктереке» под раскидистым вязом рядом с могилой любимого дедушки Нуркана. Того самого всеми почитаемого «поштабая», который с неизменной лаской называл меня «Кира».

Да будет пухом им родная земля!

Сентябрь 2013 г.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Размышления

Как зовут тебя, казах?.....	5
Дервиш, какова вера твоя?.....	24
Гул степи под копытами коней.....	38
Крутое время – тернистый путь.....	47
Мир казахов.....	54
«Великое кочевье» Бигельды.....	64
В Оршутстане, в Оршутстане.....	69
Он казах, небесный тюрк.....	81

II. Наблюдения

«Непонятный казах».....	92
Гордое имя – журналист.....	95
«Богом создан был Восток...».....	99
Кого назвать?.....	103
«Степной джюсан звенит и плачет...».....	105
У каждого писателя свои причуды.....	106
Откуда тревога?.....	110
У нас все стабильно.....	114
Ойбай-ай, ойбай.....	115
Акселеу.....	117
Оралхан.....	123

Ген пассионарности?.....	127
Кто еще не писал про Чингисхана?.....	130
О чем думается в ненастные осенние дни.....	132
Казахский язык создан для высокой поэзии.....	135
«Темперамент» Аубакира.....	137
Критик Кулбек.....	141
Ждем-с.....	149
Казах-стихотворец.....	152
Мое счастье.....	153
Жарасбай, внук Нуркана.....	155

Герольд Бельгер
О, казахи мои!..

Ответственный редактор
Сафар Абдулло

Компьютерный дизайн: *Карпун К.К.*
Компьютерная верстка: *Карпун К.К.*
Корректурa: *Корчина Т.Г., Фолмина О.А.*

Подписано в печать: 25.10.2013 г.

Формат 70x90 1\32

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Условн. печат. л. 5,3, уч.изд. л. 10,5

Тираж 500 Заказ 224

ТОО Издательский дом «Библиотека Олжаса»

050029 г. Алматы ул. Мауленова, 92.

Тел.267-64-04, 267-63-15.

Отпечатано в типографии ТОО «Полиграфсервис»

050050 г.Алматы, ул.Зеленая 13 «а»

Бельгер Герольд Карлович

Выдающийся казахстанский писатель, переводчик, публицист, свободно пишущий на трех языках - казахском, русском, немецком. Родился 28 октября 1934 года в России, в городе Энгельс, в семье поволжских немцев. В 1941 году его семью, как этнических немцев, депортировали в Казахстан. Вырос в казахском ауле, учился в казахской средней школе, свободно владеет казахским языком. Окончил филологический факультет Казахского педагогического института в г. Алматы. После окончания института работал учителем русского языка, затем в литературном журнале «Жулдыз». С 1971 года член Союза писателей Казахстана. С 1992 года был заместителем главного редактора, а затем главным редактором немецко-русского альманаха «Феникс». Писатель выпустил около 70 книг, изданных в России, Казахстане и Германии, которые получили мировое признание. Бельгер написал большое количество статей, эссе, очерков и литературных рецензий, является лауреатом Президентской премии мира и духовного согласия (1992), имеет Орден «Парасат» за № 1 (1994), Орден «За заслуги перед Федеративной Республикой Германия» (2010).

Герольд Карлович Бельгер заслужил особое уважение и почитание среди читательской аудитории благодаря своей писательской бескомпромиссности и честности.

ISBN 978-601-7315-51-1

9 786017 315511